

КУЛЬТОВЫЙ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

АЛАЯ КОРОЛЕВА

И МЫ ВОССТАНЕМ,
АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ

Алая королева

Виктория Авеярд

Алая королева

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Авеярд В.

Алая королева / В. Авеярд — «Эксмо», 2015 — (Алая королева)

ISBN 978-5-04-154885-8

Культовый мировой бестселлер. Ее мир разделен по цвету крови. Она – Красная, отброс и бесправная рабыня. Они – Серебряные, элита королевства, и владеют могущественной магией. Ее зовут Мэра Бэрроу. Она родилась, чтобы навсегда изменить этот мир. Оказавшись среди Серебряных, Мэра обнаруживает, что обладает весьма грозной и непредсказуемой силой. Притворяясь другим человеком, девушка вынуждена вести смертельно опасную игру. Она одна против всех. Против врагов. Против друзей. И даже против собственного сердца. Но Мэре необходимо помнить одно важное правило мира Серебряных – кто угодно может предать кого угодно...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-154885-8

© Авеярд В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктория Авеярд

Алая королева

Маме, папе и Моргану, который всегда хотел узнать, что произойдет дальше, даже когда мне этого не хотелось.

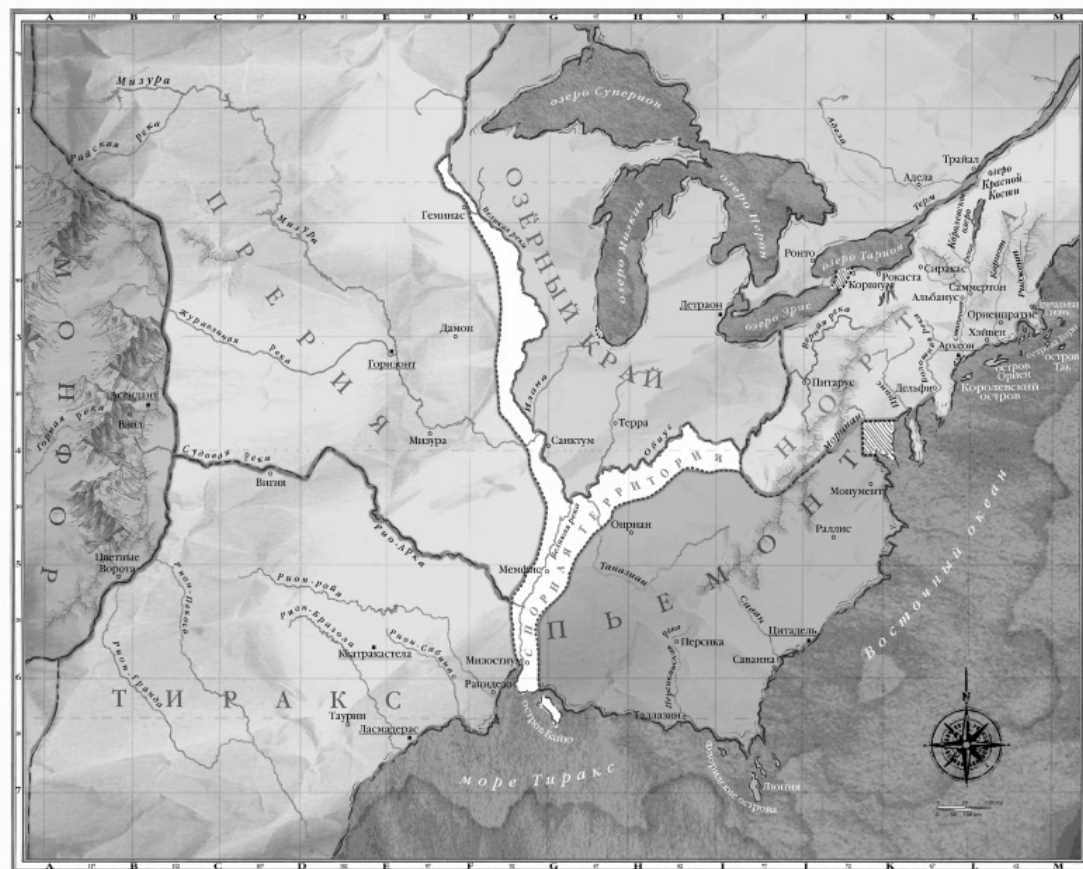
Red Queen

Copyright © 2015 by Victoria Aveyard

Scarlet Guard symbol and King's Crest symbol © & ™ 2014 Victoria Aveyard

Endpapers illustrated by Amanda Persky.

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews

© Сергеева В. С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Ненавижу Первую Пятницу. В этот день в деревне всегда толпа народу, а сейчас, в жару, в разгар лета, меньше всего мечтаешь о многолюдье. Там, где стою я, в тени, еще не так плохо, но от запаха немых тел, вспотевших на утренней работе, буквально скисает молоко. Жарко и влажно. Даже лужи, оставшиеся после вчерашней грозы, нагрелись. В них виднеются радужные завитки масла и жира.

На рынке становится всё менеелюдно – день близится к вечеру. Торговцы рассеяны и беспечны, и мне нетрудно пожить чем хочется. В итоге карманы у меня полны безделушек, и есть еще яблоко на обратную дорогу. Всего за несколько минут. Неплохо. Толпа движется, и я позволяю человеческому потоку себя нести. Мои руки снуют туда-сюда, легкими порхающими прикосновениями. Несколько бумажных купюр из кармана, браслет с женского запястья – ничего громоздкого. Люди слишком заняты, бродя по рынку, чтобы заметить в самой гуще толпы воришку.

Дома на сваях, из-за которых деревня и получила свое название (Подпоры, очень оригинально), стоят вокруг, возвышаясь метра на три над землей. Весной низкий берег полностью скрывается под водой, но сейчас август, и местные страдают от жажды и солнечных ударов. Почти все с нетерпением ждут Первой Пятницы, когда и работа, и уроки в школе заканчиваются рано. Но только не я. Честное слово, я бы предпочла сидеть в школе, в набитом детворой классе, и бездельничать.

Впрочем, мои школьные годы подошли к концу. Приближается мое восемнадцатилетие, а с ним и призыв. Меня не взяли в ученицы, я нигде не работаю, а значит, отправлюсь на войну, как все «бездельники». Неудивительно, что никакой работы в округе нет: все мужчины, женщины и дети отчаянно стараются не угодить в армию.

Моих братьев послали на войну, когда им стукнуло восемнадцать, – всех троих отправили сражаться с Озерными. Один только Шейд умеет прилично писать и присылает мне письма, когда может. От других братьев, Бри и Трами, я уже больше года не получала вестей. Но отсутствие новостей – тоже хорошая новость.

Некоторые семьи годами ничего не знают, а потом обнаруживают на пороге сына или дочь, отпущенных на побывку, а иногда, к счастью, уволенных насовсем. Но обычно родным приходит письмо на плотной бумаге, с королевской печатью и короткой благодарностью за жизнь их отпрыска. Возможно, родители также получают на память и несколько пуговиц с изорванной в клочья формы.

Мне было тринадцать, когда ушел Бри. Он поцеловал меня в щеку и подарил нам с младшей сестренкой Гизой на двоих пару серег. Это были просто стеклянные бусины дымчато-розового закатного цвета. В тот вечер мы сами прокололи себе уши.

Трами и Шейд не стали нарушать традицию. Теперь каждая из нас носит в ухе полный набор из трех крошечных камушков, напоминающий о наших братьях, которые где-то сражаются. Я до конца не верила, что им придется уйти, пока не появился легионер в начищенных доспехах и не забрал наших парней одного за другим. А этой осенью придут за мной. Я уже начала откладывать и воровать, чтобы купить Гизе серьги, когда я уеду.

«Не думай об этом». Так обычно говорит мама. Не думай об армии, о братьях, обо всем на свете. Отличный совет, ма.

Дальше по улице, на перекрестке Мельничной и Маршевой, толпа густеет, к ней присоединяется еще больше народу. Шайка ребятишек, будущих карманников, снует в суматохе, орудуя липкими жадными пальцами. Они слишком малы, и им пока недостает проворства, поэтому охранники тут же вмешиваются. В обычный день ребят посадили бы в колодки или

отправили в тюрьму, но полицейские тоже хотят отпраздновать Первую Пятницу. Они ограничиваются тем, что дают вожакам несколько крепких затрещин, и отпускают их. Повезло.

Ощувив легчайшее давление на талии, я разворачиваюсь. Это инстинкт. Я хватаю за руку дурака, который додумался полезть ко мне в карман, и стискиваю ее посильнее, чтобы гаденыш не сбежал. Но вместо какого-нибудь тощего пацана я обнаруживаю перед собой ухмыляющееся знакомое лицо.

Килорн Уоррен. Помощник рыбака, потерявший отца на войне. Возможно, мой единственный друг. Мы мутузили друг друга, когда были маленькими, но теперь, когда мы стали старше – и он перерос меня на целую голову, – я стараюсь избегать потасовок. От Килорна есть определенная польза. Например, он легко дотягивается до высоких полок.

– А ты стала проворнее, – говорит он, хихикая, и сбрасывает мою руку.

– Ну или ты тормозишь.

Он закатывает глаза и выхватывает у меня яблоко.

– Мы ждем Гизу? – спрашивает Килорн и жует.

– У нее сегодня есть предлог никуда не ходить. Она работает.

– Тогда двинули. Не хочу пропустить праздник.

– Какая это была бы трагедия.

– Ну, ну, Мэра, – дразнится он, грозя пальцем. – Я просто хочу сказать, что будет весело.

– А я просто хочу сказать, что тебя предупредили, придурок.

Но он уже устремляется прочь широкими шагами, вынуждая меня почти бежать, чтобы не отстать от него. Он виляет из стороны в сторону – такое ощущение, что вот-вот потеряет равновесие. «Моряцкая походка», – так называет эту манеру Килорн, хотя он никогда не был в открытом море. Наверное, долгие часы, которые он проводит в хозяйской лодке, пусть даже на реке, возымели на него определенный эффект.

Отца Килорна, как и моего папу, отправили на войну, но, в то время как мой вернулся, лишившись ноги и легкого, мистера Уоррена доставили обратно в обувной коробке. После этого мать Килорна сбежала, бросив маленького сына на произвол судьбы. Он умирал от голода, но тем не менее продолжал меня задирать. Я подкармливала его, потому что неинтересно пинать мешок с костями, и вот вам результат десять лет спустя. По крайней мере, его взяли в подмастерья и не отправят на войну.

Мы доходим до подножья холма – толпа там еще гуще, со всех сторон нас тычут и толкают. Посещение праздника Первой Пятницы обязательно, если только ты не являешься «ценным работником», как Гиза. Как будто вышивка по шелку – это жизненно важно. Впрочем, Серебряные любят шелк, не так ли? Даже охранников, во всяком случае, некоторых, можно подкупить безделушками, вышитыми моей сестрой. Нет-нет, я об этом ничего не знаю.

Тени вокруг нас сгущаются, пока мы поднимаемся по каменным ступеням, направляясь к вершине холма. Килорн шагает через две ступеньки зараз, и я отстаю, но тут он останавливается, чтобы подождать меня. Он ухмыляется, глядя сверху вниз, и отбрасывает с зеленых глаз выгоревшую рыжеватую прядь.

– Иногда я забываю, что ножки у тебя еще детские.

– Лучше, чем детские мозги, – огрызаюсь я, отвесив ему легкую оплеуху, и прохожу мимо.

Смех Килорна летит за мной.

– А ты сегодня ворчливей, чем обычно.

– Просто я всё это ненавижу.

– Знаю, – негромко говорит он, в кои-то веки серьезно.

И вот мы на арене, залитой жарким солнцем. Ее возвели десять лет назад; разумеется, это самое большое строение в Подпорах. Она в подметки не годится колоссальным городским

сооружениям, но, тем не менее, высоких стальных арок и массивной бетонной чаши вполне достаточно, чтобы у деревенской девчонки захватило дух.

Повсюду сотрудники безопасности – их черно-серебряные мундиры выделяются в толпе. Сегодня Первая Пятница, и они ждут не дождутся зрелища. Они вооружены длинными винтовками и пистолетами, хотя и не нуждаются в них. Как водится, охранники сплошь Серебряные, а Серебряным нечего бояться нас, Красных. Это всем известно. Мы им не ровня, хотя чисто внешне этого не скажешь. Серебряные чуть выше – вот и всё, чем мы различаемся, по крайней мере, с виду. Наши спины согнуты от тяжелого труда, напрасных надежд и неизбежного разочарования.

В открытом амфитеатре так же жарко, как снаружи, и Килорн ведет меня в тени. Нам не достанутся кресла, только длинные бетонные скамьи, но немногочисленные представители Серебряной знати, сидя над нами, наслаждаются прохладными удобными ложами. Там к их услугам напитки, еда, лед (даже в разгар лета), мягкие подушки, электрическое освещение и прочие радости, которые мне неведомы. Но Серебряные как будто не обращают на всё это внимания – они жалуются на «скверные условия». Ух, я бы показала им скверные условия. Мы-то вынуждены довольствоваться жесткими скамейками и несколькими визгливыми экранами, непереносимо яркими и шумными.

– Ставлю дневной заработок, что сегодня будет очередной сильнорук, – говорит Килорн, швырнув на арену огрызок яблока.

– Я не стану спорить.

Многие Красные проигрывают заработанные гроши, делая ставки в надежде получить небольшую сумму, которая поможет им протянуть следующую неделю. Но только не я. Не хочу заключать пари даже с Килорном. Гораздо проще срезать у букмекера кошелек, чем пытаться у него выиграть.

– Не стоит так глупо тратить деньги.

– Если я прав, то ничего не потеряю. Сильнорук всегда побеждает.

Сильноруки участвуют как минимум в половине боев: их умения подходят для арены больше, чем способности других Серебряных. Они явно наслаждаются этим, пользуясь своей сверхчеловеческой силой, чтобы швырять противников, как тряпичные куклы.

– А с кем он будет биться? – спрашиваю я, думая о разнообразии вариантов, в которых предстают Серебряные. Тельки, быстрые, нимфы, зеленые, камнешкуры... на них всех страшно смотреть.

– Не знаю. Надеюсь, с кем-то интересным. Даешь Первую Пятницу!

Мы с Килорном, в общем, не сходимся во мнениях по поводу праздника Первой Пятницы. По-моему, нет ничего приятного в том, чтобы смотреть, как противники сходятся в смертельной схватке, но Килорн обожает Бои. «Пусть убивают друг друга, – говорит он. – Они – не мы».

Он не понимает, в чем суть Боев. Это не бессмысленное развлечение, которое предназначено для того, чтобы дать Красным отдых от изнурительного труда. Это хорошо рассчитанный, бесстрастный намек. Только Серебряные способны выступать на аренах, потому что никто, кроме них, на арене не выживет. Они дерутся, чтобы показать свою силу и могущество. «Вы нам не соперники. Мы лучше вас. Мы боги». Каждый сверхчеловеческий удар содержит эту мысль.

И они абсолютно правы. Месяц назад я наблюдала стремительный поединок тельки и быстра; хотя быстр двигался молниеносно, тельки остановил его на бегу. Одной лишь силой мысли он оторвал противника от земли. Быстр начал задыхаться; очевидно, тельки незримой хваткой держал его за горло. Когда лицо быстра посинело, Бой закончился. Килорн весело вопил. Он поставил на тельки.

– Дамы и господа, Серебряные и Красные, добро пожаловать на праздник Первой Пятницы. – Голос ведущего эхом разносится по арене, отскакивая от стен. Как обычно, в нем звучит скука, и я его не виню.

Некогда Бои были не поединками, а казнями. Преступников и врагов правительства отвозили в столицу, где убивали на глазах у толпы Серебряных. Наверное, Серебряным понравилось, и тогда начались Бои. Не чтобы убить, а чтобы позабавиться. Потом они превратились в праздник и распространились по другим городам, где тоже были арены. В конце концов на Боях позволили присутствовать Красным, правда, ограничили их дешевыми местами. Вскоре Серебряные понастроили арен повсюду, даже в деревнях вроде Подпор, и присутствие, которое раньше было привилегией, превратилось в обязательку и проклятие. Мой брат Шейд говорит – это потому, что в населенных пунктах, где проходят Бои, существенно снижается количество преступлений, совершаемых Красными, а также возмущений и мятежей. Теперь Серебряным не нужно устраивать казни, посылать солдат или даже прибегать к помощи охраны, чтобы поддерживать порядок; два бойца могут запросто нас запугать.

Двое сегодняшних с нетерпением ждут начала. Первым на белый песок выходит некто Кантос Каррос, Серебряный из Причальной Гавани. На экране появляется отчетливое изображение бойца – я сразу понимаю, что это сильнорук. Руки у него толщиной с три древесных ствола, они переплетены жилами и венами, и кожа на них чуть не лопается. Он улыбается, и я вижу, что зубы у Кантоса Карроса сплошь отсутствуют либо сломаны. Возможно, он не поладил с зубной щеткой в детстве. Килорн, сидя рядом со мной, радостно орет, и остальные кричат вместе с ним. Сотрудник безопасности бросает тем, кто вопит громче всех, буханку хлеба за труды. Слева от меня другой охранник протягивает визжащему ребенку ярко-желтый клочок бумаги. Это рационка – дополнительный паек электричества. Всё, чтобы заставить нас улюлюкать, кричать, смотреть, даже если нам не хочется.

– Да, да, пусть он услышит ваши голоса! – врасляжку, с наигранным энтузиазмом говорит диктор. – А вот и его противник, прямо из столицы... Самсон Мерандус.

Второй боец кажется бледным и тощим рядом с человекообразной горой мышц, но его стальная синяя броня красива и отполирована до яркого блеска. Это, возможно, младший сын младшего сына, который пытается добиться славы на арене. Хотя ему, скорее всего, страшно, он выглядит до странности спокойно.

Его фамилия звучит знакомо, но в этом нет ничего странного. Многие Серебряные принадлежат к знатым семьям, называемым Домами. В этих кланах десятки людей. Правящая семья нашей области – Столичной Долины – носит имя Дом Велле. Хотя самого губернатора Велле я в жизни не видела. Он приезжает с визитом не чаще пары раз в год и даже в этих случаях никогда не заглядывает в деревни вроде нашей. Однажды я видела его лодку – изящную штурковину с золотисто-зелеными флагами. Велле – зеленый, и, когда он проплывал мимо, деревья на берегу покрылись цветами, и на земле тоже появились цветы. Я решила, что это красиво, но тут один из ребят постарше стал бросать в губернаторскую лодку камнями. Камни, не долетев до цели, упали в воду. Тем не менее парня посадили в колодки.

– Конечно, победит сильнорук.

Килорн, хмурясь, смотрит на худого бойца.

– Откуда ты знаешь? В чем сила Самсона?

– Да какая разница, он всё равно проиграет, – насмешливо отвечаю я и устраиваюсь поудобнее.

Над ареной разносится знакомый сигнал. Многие поднимаются на ноги, не желая ничего упустить, но я в знак молчаливого протеста остаюсь сидеть. Хотя внешне я спокойна, в моей душе бурлит гнев. Гнев – и зависть. «Мы боги», – звучит эхом в моей голове.

– Бойцам приготовиться.

Они упираются ногами в землю по разные стороны арены. Огнестрельное оружие не допускается на Бои, поэтому Кантос достает короткий широкий меч. Сомневаюсь, что он ему понадобится. У Самсона нет оружия; он стоит, опустив руки, и пальцы у него слегка подрагивают.

Раздается низкий, гудящий звук. Ненавижу его. Он вибрацией отзывается у меня в зубах, в костях, пульсирует так, что, кажется, вот-вот что-нибудь расколется. Звук резко обрывается. Началось. Я выдыхаю.

В любом случае происходящее с самого начала напоминает бойню. Кантос несется вперед, как бык, расшвыривая ногами песок. Самсон пытается проскользнуть мимо, плечом вперед, но сильнорук оказывается быстрее. Он хватается Самсона за ногу и швыряет через арену, как подушку. Радостные вопли заглушают крик боли, который издает Самсон, врезавшись в бетонную стену, но мука написана у него на лице. Прежде чем он успевает хотя бы приподняться, Кантос оказывается над ним, подхватывает противника и бросает оземь. Самсон валится на песок – такое ощущение, что у него просто не должно было остаться целых костей, но каким-то чудом ему удастся встать.

– Ты что, боксерская груша? – спрашивает Килорн со смехом. – Давай, всыпь ему, Кантос!

Килорну не нужны лишняя буханка хлеба или несколько дополнительных минут электричества. Он ликует не поэтому. Ему всерьез хочется видеть, как кровь – кровь Серебряных, серебряная кровь – пятнает арену. Пускай она символизирует всё, чем мы не являемся, всё, чем не можем быть, всё, чего хотим. Килорн просто хочет увидеть ее и внушить себе, что Серебряные на самом деле тоже люди, что их можно бить и побеждать. Но я-то знаю. Эта кровь – угроза, предостережение, обещание. «Мы разные и никогда не станем одинаковыми».

Килорн не разочаровывается. Даже зрителям в ложах видно радужную, металлического оттенка, кровь, которая капает изо рта Самсона. Она, как жидкое зеркало, отражает летнее солнце. Как будто на шее и на доспехах у него нарисована река.

Вот что разделяет Серебряных и Красных: цвет крови. Разница вроде бы невелика, но она каким-то образом делает их сильнее, умнее, лучше нас.

Самсон сплевывает, отправляя на песок сгусток серебра. В десяти метрах от него Кантос крепче сжимает рукоять меча. Он намерен обезглавить Самсона и закончить бой.

– Дурачок, – бормочу я.

Похоже, Килорн прав. Боксерская груша, и ничего более.

Кантос несется по песку, высоко воздев меч, с горящими глазами. И вдруг он замирает на бегу, так что от внезапной остановки лязгает броня. Стоя в центре арены, истекающий кровью боец указывает пальцем на Кантоса и устремляет на него взгляд, способный пробить железо.

Самсон щелкает пальцами, и Кантос движется, повинаясь жестам противника. Рот у него раскрывается, как у дурачка. Такое ощущение, что он сошел с ума.

Глазам не верю.

Мертвая тишина повисает над ареной. Мы смотрим, не в силах осмыслить происходящее. Даже Килорну нечего сказать.

– Шепот, – выдыхаю я.

Я никогда раньше не видела шепота на арене, сомневаюсь, что они вообще когда-либо участвовали в Боях. Шепоты опасны и сильны, они редко попадают даже среди Серебряных, даже в столице. Про них ходят самые разные слухи, но суть сводится к простой и пугающей вещи: они способны проникнуть тебе в голову, прочитать твои мысли, овладеть сознанием. Именно это и проделывает Самсон – миновав доспехи и мускулы Кантоса, он проник ему прямо в незащищенный мозг.

Кантос дрожащими руками поднимает меч. Он пытается противостоять могуществу Самсона. Но, хоть он и силен, невозможно бороться с врагом, который у тебя в голове.

Еще одно движение руки – и песок забрызгивает серебряная кровь: Кантос протыкает мечом собственные доспехи и погружает клинок себе в живот. Даже на дешевых местах слышно тошнотворное хлюпанье, с которым металл входит в плоть.

Из Кантоса хлещет кровь, и все ахают. Мы никогда еще не видели здесь столько крови.

Вспыхивают синие прожектора, окутывая арену призрачным сиянием и возвещая конец поединка. Серебряные лекари бегут по песку, торопясь к упавшему Кантосу. Серебряным не положено умирать здесь. Они должны храбро драться, щеголять своими силами, устраивать шоу, но не умирать. В конце концов, они же не Красные.

Сотрудники безопасности движутся быстрее, чем когда-либо. Среди них есть несколько быстров, которые носятся туда-сюда, напоминая размытое пятно. Нас выпроваживают из амфитеатра. Серебряные не хотят, чтобы мы были тут, если Кантос умрет на песке. Тем временем Самсон выходит с арены героем. Его взгляд падает на тело Кантоса, и я думаю, что сейчас у Самсона делается виноватый вид. Но лицо Серебряного бесстрастно, спокойно и холодно. Поединок ничего не значил для него. Мы для него ничего не значим.

В школе нам рассказывали про мир, существовавший раньше нашего, про ангелов и богов, которые жили на небесах и доброй, любящей рукой управляли людьми. Некоторые говорят, что это просто сказки. Я считаю иначе.

Боги по-прежнему управляют нами. Они пришли со звезд. И давно перестали быть добрыми.

Глава 2

Жилище у нас маленькое даже по меркам Подпор, но, по крайней мере, с хорошим видом. Прежде чем получить увечье, папа во время очередного отпуска выстроил дом на таких высоких столбах, что с крыльца можно полюбоваться другим берегом. Даже сквозь летнюю дымку видны расчищенные участки земли – когда-то там стоял лес, ныне сведенный под корень. Эти участки похожи на пятна от болезни, зато на севере и на западе возвышаются нетронутые прохладные холмы. «Там еще так много места». За гранью известного мне мира.

Я поднимаюсь в дом по истертым деревянным ступенькам – они сделаны так, чтобы за них было удобно хвататься. По этой лестнице я лазаю вверх и вниз каждый день. С высоты мне видно несколько лодок, которые движутся вверх по реке, украшенные гордо реющими флагами. Серебряные. Никто, кроме них, не может позволить себе частное средство передвижения. В то время как они пользуются колесным транспортом, удобными лодками и даже высоко летающими самолетами, у нас нет ничего, кроме своих двоих, да еще велосипеда, если повезет.

Лодки, должно быть, направляются в Саммертон – городок, который лепится вокруг летней королевской резиденции. Гиза сегодня была там – она помогала швее, у которой учится. Когда король прибывает из столицы, они обе часто ездят туда на рынок – продавать свои изделия Серебряным торговцам и аристократам, которые следуют за членами королевской семьи, как утята за матерью. Саммертонская резиденция называется Замок Солнца, и, говорят, это настоящее чудо, но я никогда ее не видела. Понятия не имею, зачем королевской семье второй дом, тем более что дворец в столице так красив. Но, как и все Серебряные, король действует не из нужды. Ими движет желание. И они получают то, чего хотят.

Прежде чем открыть дверь и погрузиться в привычный хаос, я поглаживаю флаг, который трепещет на крыльце. Три красных звезды на пожелтевшей ткани, по одной на каждого брата – и еще немного места. Для меня. На большинстве домов висят такие флаги, иногда с черными полосами вместо звезд – молчаливое напоминание о погибших детях.

Мама стоит у плиты, помешивая в кастрюле тушеные овощи, а папа сердито смотрит на нее, сидя в кресле на колесах. Гиза вышивает за столом – она мастерит нечто красивое, изысканное, совершенно вне моего понимания.

– Я дома, – говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Папа машет рукой в ответ, мама кивает, Гиза не отрывается от шелкового лоскутка.

Я кладу мешочек с краденой мелочью на стол рядом с сестрой, заставив монеты звякнуть погромче.

– Кажется, я добыла достаточно, чтобы приготовить нормальный пирог на папин день рождения. И купить еще батарейки, чтоб хватило дотянуть до конца месяца.

Гиза окидывает мешочек взглядом и неодобрительно хмурится. Ей всего четырнадцать, но для своих лет она неглупа.

– Однажды сюда придут и заберут всё, что у тебя есть.

– Зависть не красит человека, Гиза, – замечаю я, трепля ее по голове.

Она поднимает руки и заправляет свои роскошные, блестящие рыжие волосы обратно в аккуратный пучок.

Мне всегда хотелось иметь такие волосы, хотя я никогда не говорила Гизе об этом. Ее волосы цвета огня, а мои – так называемого цвета речного песка. Темные у корней, светлые на концах, как будто вылинявшие от нелегкой жизни в Подпорах. Большинство стрижется коротко, чтобы избавиться от седых кончиков, но я не хочу. Мне нравится иметь зримое подтверждение: даже мои волосы знают, что так жить нельзя.

– Я не завидую, – фыркает Гиза, возвращаясь к работе.

Она вышивает огненные цветы; каждый из них – прекрасное алое пламя на фоне блестящей черной ткани.

– Как красиво, Ги. – Я провожу рукой по цветку, удивляясь его шелковистой мягкости.

Гиза смотрит на меня и ласково улыбается. Хотя мы часто ссоримся, сестра знает, что она – моя маленькая звездочка.

«Все знают, что завистлива именно я. Я ничего не умею, только красть у тех, кто хоть на что-то способен».

Когда закончится срок ученичества, Гиза откроет собственную мастерскую. Серебряные будут приезжать из разных мест и платить ей за вышитые платки, флаги, одежду. Гиза достигнет высот, которых редко достигают Красные, и будет жить хорошо. Она прокормит родителей и вернет нас с братьями домой, дав нам какую-нибудь черную работу. Однажды Гиза спасет свою семью – исключительно с помощью иголки и нитки.

– День и ночь, – бормочет мама, проводя пальцем по седеющим волосам.

Она никого не хочет обидеть, но это правда. Гиза – умелая, красивая, добрая. Я – как мягко выражается мама – немного поглубже. Свет и тьма. Наверное, единственное, что у нас общего, – так это серьги, которые мы носим в память о братьях.

Папа кашляет в углу и стучит себя кулаком по груди. Это часто бывает, потому что у него только одно нормальное легкое. Папу спас Красный медик, который заменил ему отказавшее легкое какой-то штукой, умеющей дышать. Серебряные ничего подобного не изобретают – они в таких вещах не нуждаются. У них есть целители. Но целители не тратят время на Красных и не работают на передовой, помогая солдатам выжить. В основном они трудятся в городах, где продлевают жизнь престарелым Серебряным, лечат печенки, загубленные алкоголем, и всё такое. Поэтому мы вынуждены искать помощь на подпольном рынке технологий и изобретений. Некоторые вещи просто нелепы, большинство вообще не работает, но тикающий кусочек металла спас папе жизнь. Я всегда слышу, как он пощелкивает, тихонько отмеряя пульс и поддерживая папино дыхание.

– Мне не нужен пирог, – ворчит он и украдкой бросает взгляд на свое растущее брюшко.

– Тогда скажи, папа, чего ты хочешь? Новые часы? Или...

– Мэра, я сомневаюсь, что часы, снятые с чужой руки, можно назвать новыми.

Прежде чем в семействе Бэрроу успеет разразиться очередная война, мама снимает кастрюлю с плиты.

– Ужин готов.

Она несет еду на стол, и меня обдает паром.

– Как вкусно пахнет, – врет Гиза.

Папа не настолько тактичен; он морщится.

Не желая, чтобы меня стыдили, я заставляю себя проглотить несколько ложек. К моему приятному удивлению, рагу не так скверно, как обычно.

– Ты добавила перец, который я тебе принесла?

Вместо того чтобы кивнуть, улыбнуться и поблагодарить меня за помощь, мама краснеет и молчит. Она знает, что перец, как и все остальные подарки, я украла.

Гиза закатывает глаза, сидя над своей тарелкой. Она чувствует, к чему всё клонится.

Кажется, я уже должна к этому привыкнуть, но неодобрение родных меня бесит.

Мама, вздохнув, закрывает лицо руками.

– Мэра, ты знаешь, что я очень ценю... но мне хотелось бы...

Я договариваю:

– Чтобы я больше походила на Гизу?

Мама качает головой. Снова ложь.

– Нет. Конечно, нет. Я не это имела в виду.

– Ладно. – Не сомневаюсь, мое ожесточение ощущается даже на другом конце деревни, но я изо всех сил пытаюсь говорить ровно. – Это единственный способ, которым я могу помочь семье, пока... пока я еще не уехала.

Упомянуть войну – лучший способ сделать так, чтобы в доме стало тихо. Даже папа перестает хрипеть. Мама поворачивается, и ее щеки краснеют от гнева. Под столом Гиза нащупывает мою руку.

– Я знаю, ты стараешься изо всех сил, и намерения у тебя самые лучшие, – шепотом произносит мама.

Она выговаривает это с видимым усилием, но тем не менее мне приятно.

Я прикусываю язык и заставляю себя кивнуть.

Гиза подскакивает, словно ее ударили током.

– Ой, я чуть не забыла. Я зашла на почту по пути из Саммертона. Пришло письмо от Шейда.

В доме как будто взрывается бомба. Мама и папа наперерыв тянутся к грязному конверту, который Гиза вытаскивает из кармана. Я жду, когда они передадут его мне. Родители изучают письмо. Они оба неграмотны, поэтому извлекают максимум удовольствия из самого факта.

Папа нюхает письмо, пытаясь расшифровать запах.

– Пахнет сосной. Не дымом. Это хорошо. Он не в Чоке.

Мы все облегченно выдыхаем. Чок – это изрытая бомбами полоска земли, соединяющая Норту с Озерным краем, где в основном и происходят боевые действия. Большую часть времени солдаты там прячутся в траншеях, обреченные на то, чтобы погибнуть от снаряда или во время рискованной атаки, которая закончится общей бойней. Остальная часть границы в основном проходит по озеру, и только на дальнем севере тянется тундра, слишком холодная и безжизненная, чтобы за нее драться. Папа был ранен в Чоке много лет назад, когда его взвод попал под бомбежку. Чок разрушен многолетней войной, над ним вечным туманом висит дым от взрывов. Там ничего не растет. Эта земля мертвая и серая, как наше будущее.

Папа наконец передает письмо мне, и я открываю его с радостным предвкушением, охваченная одновременно страхом и интересом. Что же написал Шейд?

– *«Дорогие родичи, я жив, как видите».*

Мы с папой хихикаем, даже Гиза улыбается. Маме совсем не весело, хотя Шейд начинает так каждое письмо.

– *«Нас отозвали с передовой, как, наверно, уже догадался папа. Очень приятно вернуться на базу. Здесь всё алое, как рассвет, Серебряных офицеров почти нет. Дыма, как в Чоке, тоже нет. Солнце встает, и оно всё ярче с каждым рассветом. Но это ненадолго. Командование хочет переобучить нас для сражений на озере, и мы все приписаны к одному из новых военных кораблей. Я тут встретил врача, оставшего от своей части, – он видел Трами и сказал, что с ним всё в порядке. Братец получил осколок шрапнели во время отступления, но уже поправился. Никакого вреда здоровью в перспективе».*

Мама громко вздыхает и качает головой.

– Никакого вреда в перспективе, – насмешливо повторяет она.

– *«От Бри по-прежнему нет вестей, но я не волнуюсь. Он из нас самый лучший и обязательно придет в отпуск, когда отслужит пять лет. Он скоро будет дома, мама, так что не беспокойся. Больше мне нечего рассказать, во всяком случае такого, чтоб можно было написать в письме. Гиза, не задирай нос (хотя у тебя есть на это полное право). Мэра, перестань скандалить и не колоти Уоррена. Папа, я горжусь тобой. Обнимаю вас всех. Ваш любимый сын и брат Шейд».*

Как всегда, слова Шейда проникают в сердце. Немного напрягшись, я буквально могу слышать его голос.

И тут лампочки над нами внезапно начинают подвывать.

– Никто не использовал рационку, которую я вчера принесла? – спрашиваю я, и в ту же секунду свет гаснет.

Мы погружаемся в темноту. Когда глаза привыкают к мраку, я вижу, как мама качает головой.

Гиза стонет.

– Что, опять?

Стул скрежещет по полу – сестра встает.

– Я пошла спать. Пожалуйста, не орите.

Но мы не орем. Таков наш мир: мы слишком устали, чтобы ссориться. Мама и папа отправляются к себе, оставив меня одну за столом. В норме я бы улизнула из дома, но сегодня сил хватает только на то, чтобы лечь спать.

Я карабкаюсь по второй лестнице на чердак, где уже посапывает Гиза. Она умеет спать как никто другой – вырубается через минуту. А мне иногда требуется несколько часов, чтобы заснуть. Я забираюсь в постель, радуясь тому, что можно просто лежать, держа в руке письмо Шейда. Как и сказал папа, от него сильно пахнет сосной.

Река за окном шумит приятно, плеща о камни и навевая сон. Даже холодильник, старый и ржавый, который обычно так громко рычит, что у меня болит голова, сегодня мне не мешает. Но тут мою полудрему нарушает птичий свист.

Килорн.

«Нет. Убейся».

Снова свист, уже громче. Гиза ворочается, перекатывая голову по подушке.

С ненавистью, бормоча под нос, я вылезаю из постели и спускаюсь по лестнице. Любая нормальная девушка налетела бы на стол в тесной гостиной, но я умею пробираться где угодно – мне столько лет приходилось удирать от охраны. Я мгновенно преодолеваю нижнюю лестницу и приземляюсь по щиколотку в грязь. Килорн ждет, стоя в тени под домом.

– Я сейчас дам тебе в глаз за то, что ты...

Но выражение его лица заставляет меня замолчать.

Он плачет.

В норме этого не бывает. Костяшки у Килорна ободраны в кровь, и я держу пари, что где-то неподалеку есть серьезно пострадавшая стена. Почти против воли, невзирая на поздний час, я чувствую тревогу, даже страх.

– Что такое? Что случилось?

Не успев задуматься, я беру Килорна за руку и чувствую под пальцами кровь.

– В чем дело?

Он отвечает не сразу – ему нужно успокоиться. Я успеваю запаниковать.

– Мой хозяин... он упал. И умер. Конец моему ученичеству.

Я пытаюсь удержать удивленный вскрик, но он всё равно вырывается, словно дразня нас. Хотя никто его не заставляет, хотя я и так знаю, что он пытается сказать, Килорн продолжает:

– Я еще не закончил учение, а теперь...

Он с трудом выговаривает слова.

– Мне восемнадцать. У других рыбаков уже есть помощники. У меня нет работы. И я ее не получу.

Его слова ножом вонзаются мне в сердце. Килорн с трудом переводит дух, и я отчаянно желаю не слышать того, что он неизбежно скажет...

– Меня пошлют на войну.

Глава 3

Так продолжалось почти целый век. Сомневаюсь, что теперь это стоит называть войной, но для высшей формы взаимоистребления просто нет другого слова. В школе нам говорили, что война началась из-за территории. Озерный край ровный и плодородный, там много рыбы. Он не похож на каменистые, поросшие лесами холмы Норты, где люди с трудом зарабатывают себе на пропитание. Даже Серебряным приходилось туговато. Поэтому король объявил войну, втянув Норту в противостояние, в котором не могла победить ни одна сторона.

Король Озерного края, тоже Серебряный, ответил тем же, при полном одобрении собственной знати. Им нравились наши реки, бегущие к морю, которое не покрыто льдом полгода, и водяные мельницы, которыми усеяны берега. Колеса мельниц – вот что делает нашу страну сильной. Они дают столько электричества, что достается даже Красным. До меня доходили слухи о городах на юге, вблизи Археона, нашей столицы, где умелые Красные строят непостижимые для моего ума машины, чтобы путешествовать по земле, по воде, по небу. А еще они делают оружие, чтобы сеять смерть там, где понадобится Серебряным. Учитель с гордостью сообщил нам, что Норта – свет мира, нация, которая достигла величия благодаря технологиям и военной мощи. Все прочие, например Озерный край и Пьемонт на юге, живут во тьме. Нам повезло, что мы родились тут. Повезло. От этого слова впору кричать.

Но пускай у нас электричество и оружие, а у Озерных хорошая еда и численность, ни у одной стороны нет реального преимущества перед другой. И там и тут – Серебряные офицеры и Красные солдаты. Серебряные сражаются, используя свои способности и живой щит из тысяч Красных. Война, которая должна была закончиться примерно век назад, длится до сих пор. Мне всегда казалось забавным, что мы деремся за еду и воду. Даже великим и могучим Серебряным надо есть.

Но теперь ничего смешного нет. Килорн станет следующим, с кем я попрощаюсь. Интересно, он тоже подарит мне сережку, чтобы я вспоминала о нем, когда легионер в блестящем доспехе его уведет?

– Осталась неделя, Мэра. Неделя – и меня заберут, – голос у него обрывается, и Килорн откашливается, чтобы скрыть это. – Я не могу. Я... им не позволю.

Но я вижу, что он уже сломался.

– Наверняка можно что-то сделать, – выпаливаю я.

– Ничего нельзя сделать. Никто еще не сумел избежать призыва – и остаться в живых.

Он мог бы этого и не говорить. Каждый год кто-нибудь пытается удрать. И всякий раз беглеца притаскивают обратно и вешают на деревенской площади.

– Нет. Мы что-нибудь придумаем.

Даже теперь Килорну хватает сил, чтобы ухмыльнуться.

– Мы?

Мои щеки вспыхивают жарче любого пламени.

– Я обречена точно так же, как и ты, но я им тоже не достанусь. Значит, мы сбежим.

Армия всегда была моей судьбой, моим наказанием, я это знаю. Но Килорну она не должна грозить. Война и так уже лишила его слишком многого.

– Нам некуда идти, – выговаривает Килорн, но, по крайней мере, он спорит. По крайней мере, не сдается. – На севере мы не переживем зиму. На юге – море, на западе – война, юг заражен радиацией по самое никуда, а в промежутке всё кишит охранниками.

Слова льются из меня, как река.

– Да. Наша деревня тоже кишит охранниками. А мы крадем прямо у них из-под носа и остаемся целыми и невредимыми.

Мои мысли бешено несутся – я должна придумать что-нибудь, хоть что-нибудь, способное нам помочь. И вдруг меня словно осеняет.

– Черный рынок – тот самый, который существует за счет нас, – провозит что угодно, от зерна до электрических лампочек. Кто скажет, что они не в состоянии протащить контрабандой человека?

Килорн открывает рот, собираясь назвать тысячу причин, по которым это не сработает. Но потом он улыбается. И кивает.

Я не люблю влезать в чужие дела. У меня на это нет времени. Но тем не менее я слышу, как мой голос произносит три роковых слова:

– Предоставь всё мне.

Вещи, которые нельзя сбыть обычным лавочникам, мы относим Уиллу Свистку. Он стар и слишком слаб, чтобы работать на лесном складе, поэтому он каждый день метет улицы. А по ночам торгует в своем ветхом фургончике всем, чем пожелаешь, от строго запрещенного кофе до столичной экзотики. Когда я впервые попытала удачу у Свистка, мне было девять, и я принесла пригоршню краденых пуговиц. Он заплатил за них три медных пенни, не задавая вопросов. Теперь я его лучший поставщик и, возможно, основная причина, по которой он умудряется оставаться на плаву в нашем захолустье. В хороший день я могу даже назвать Уилла другом.

Уже давно я обнаружила, что Уилл – часть гораздо более крупной сети. Одни зовут ее подпольем, другие черным рынком, но меня волнует только то, на что она способна. У людей с черного рынка повсюду есть точки для укрывания краденного, вроде фургона Свистка. Даже в Археоне, хотя, казалось бы, это невозможно. Они развозят нелегальные товары по всей стране. И я уверена, что они вполне могут сделать исключение и перевезти человека.

– Исключено.

За восемь лет Уилл никогда не отказывал мне. А теперь этот морщинистый старый дурак буквально захлопывает дверь своего фургончика у меня перед носом. Я рада, что Килорна нет рядом. Что он не видит, как я его подвела.

– Уилл, ну пожалуйста. Я знаю, ты можешь...

Он качает головой, и его седая борода мотается туда-сюда.

– Даже если бы я мог – я торговец. Люди, с которыми я имею дело, не из тех, кто станет тратить время и силы, переправляя беглецов. Это не наша забота.

Я чувствую, что моя единственная надежда – и единственная надежда Килорна – буквально утекает сквозь пальцы.

Уилл, очевидно, видит отчаяние в моих глазах, потому что вдруг смягчается и прислоняется к косяку. Он тяжело вздыхает и оглядывается в черное нутро фургона. Спустя несколько секунд он поворачивается ко мне и манит внутрь. Я охотно повинуюсь.

– Спасибо, Уилл, – торопливо говорю я. – Ты даже не представляешь, что это для меня значит...

– Сядь и не шуми, девочка, – произносит чей-то высокий голос.

Из темных недр фургона, едва различимая в тусклом свете единственной синей свечи, возникает женщина. Точнее сказать, девушка: на вид она чуть старше меня. Но намного выше, и у нее вид закаленного вояки. За широкий красный кушак, украшенный вышитыми солнышками, заткнут пистолет – уж точно нелегальный. Она слишком светловолоса и красива для местной; судя по капелькам пота на лице, эта девушка не привыкла к жаре и влажности. Она чужестранка, иноземка – и, следовательно, вне закона.

Именно тот человек, который мне нужен.

Она жестом подзывает меня к скамье, вделанной в стенку фургона, и садится, выждав, когда сяду я. Уилл следует за мной по пятам и буквально валится на старый стул. Взгляд Свистка перебегает с нее на меня.

– Мэра Бэрроу, это Фарли, – негромко говорит он, и незнакомка плотнее сжимает зубы.

Она внимательно изучает мое лицо.

– Ты хочешь переправить груз.

– Себя и одного парня...

Но она вскидывает широкую мозолистую ладонь, и я замолкаю.

– Груз, – повторяет она, и глаза у нее очень выразительны.

Мое сердце подскакивает в груди; эта Фарли может оказаться весьма полезна для нас.

– И каков пункт назначения?

Я напрягаю голову, пытаюсь вспомнить хоть какое-нибудь безопасное место. Перед моими глазами возникает старая школьная карта – очертания побережья и рек, деревни и города... От Гавани до Озерного края, от северной тундры до зараженных радиацией Развалин и Болот – повсюду для нас слишком опасно.

– Там, где нет Серебряных. Вот и всё.

Фарли моргает, глядя на меня. Выражение ее лица не меняется.

– У безопасности есть цена, девочка.

– У всего на свете есть цена... девочка! – огрызаюсь я в том же тоне. – И я это прекрасно знаю.

В фургоне надолго воцаряется тишина. Я чувствую, как уходит ночь, отнимая у Килорна драгоценные минуты. Фарли, видимо, ощущает мою тревогу и нетерпение, но не спешит говорить. Наконец, целую вечность спустя, она открывает рот:

– Алая Гвардия согласна, Мэра Бэрроу.

Приходится собрать волю в кулак, чтобы не вскочить со скамьи от радости. Но что-то не дает мне покоя, мешает улыбке появиться на лице.

– Оплата в полном объеме, эквивалентная тысяче крон, – продолжает Фарли.

Из моих легких словно вышибают весь воздух. Даже Уилл, кажется, удивлен: его мохнатые белые брови исчезают под волосами.

– Тысяча крон? – с трудом выговариваю я.

Такой суммы нет ни у кого, во всяком случае, в Подпорах. Ее хватило бы моей семье на год. Нет, на много лет.

Но Фарли не закончила. Я чувствую, что она наслаждается.

– Расплатиться можно бумажными купюрами, тетрархами, ну или натурой. Это – сумма за одного, разумеется.

«Две тысячи крон». Целое состояние. Наша свобода стоит целое состояние.

– Груз пойдет послезавтра. Тогда и нужно будет заплатить.

Я едва дышу. Меньше двух дней на то, чтобы собрать столько денег, сколько я не наворую за целую жизнь. «Не вариант».

Фарли даже не дает мне времени возразить.

– Принимаешь условия?

– До послезавтра я не успею...

Она качает головой и подается вперед. Я чую, что от нее пахнет порохом.

– Принимаешь условия?

Невозможно. Глупо.

Но это наш единственный шанс.

– Принимаю.

Всё расплывается перед глазами, когда я бреду домой в грязи и темноте. Мозг пылает: я пытаюсь придумать, каким образом заполучить нечто, хотя бы приблизительно стоящее сколько надо. Ничего подобного в Подпорах нет, это уж точно.

Килорн по-прежнему ждет во мраке. Он похож на маленького потерявшегося мальчика. В целом так и есть.

– Плохие вести? – спрашивает он, стараясь говорить спокойно, но голос у него все равно дрожит.

– Контрабандисты готовы вывезти нас отсюда.

Ради Килорна я стараюсь говорить очень спокойно. Две тысячи крон... с тем же успехом Фарли могла потребовать королевский трон. Но я делаю вид, что это ерунда.

– Если эту сумму может заплатить кто-то другой, значит, можем и мы. Можем.

– Мэра... – голос Килорна холоден, холоднее зимы, но еще страшнее пустота в глазах. – Всё кончено. Мы пропали.

– Но если мы...

Он хватается меня за плечи и удерживает в своей крепкой хватке на расстоянии вытянутой руки. Мне не больно – я потрясена.

– Не надо так, Мэра. Не заставляй верить, что это выход. Не внушай мне надежду.

Он прав. Жестоко вселять надежду, когда ее нет. Она превратится в разочарование, негодование, гнев... всё, что делает жизнь сложнее, чем она есть.

– Просто позволь мне с этим смириться. Тогда... тогда, наверное, я не впаду в отчаяние, как следует обучусь, получу шанс вырваться оттуда...

Я нащупываю его запястья и крепко сжимаю их.

– Ты говоришь так, как будто уже умер.

– Возможно, так оно и есть.

– Мои братья...

– Твой отец начал их готовить задолго до призыва. Ну и вдобавок они же размером с дом.

Он заставляет себя ухмыльнуться в надежде, что я рассмеюсь. Но тщетно.

– Я хорошо плаваю и умею управлять лодкой. На озерах я пригожусь.

Только когда Килорн обвивает меня руками и прижимает к себе, я понимаю, что дрожу.

– Килорн... – бормочу я, уткнувшись ему в грудь, а дальше ничего не получается. «Это должна быть я». Но мое время быстро приближается. Надеюсь, Килорн протянет достаточно долго, чтобы вновь увидеться со мной, в казарме или в траншее. Может быть, тогда я найду нужные слова. Может быть, пойму, что чувствую.

– Спасибо, Мэра. За всё.

Он отстраняется, слишком быстро выпустив меня.

– Если будешь откладывать деньги, накопишь достаточно к тому времени, когда за тобой придет легионер.

Ради Килорна – я киваю. Но я не позволю ему сражаться и умирать в одиночку.

Устроившись в кровати, я понимаю, что сегодня не засну. Наверняка есть какой-то выход, и даже если на это уйдет вся ночь, я его найду.

Гиза кашляет во сне – негромко и вежливо. Даже в бессознательном состоянии она умудряется помнить о хороших манерах. Неудивительно, что она так здорово ладит с Серебряными. Она буквально воплощает всё, что они ценят в Красных: кротость, непритязательность, умение довольствоваться малым. Хорошо, что именно ей приходится иметь с ними дело, помогать идиотам-сверхлюдям выбирать шелк и красивые ткани для нарядов, которые они наденут только один раз. Она говорит, что ко всему привыкаешь – ради денег, которые Серебряные платят за такие пустяки. А в Больших Садах – на рынке в Саммертоне – суммы удесятятся. Гиза и ее хозяйка возятся с кружевами, шелком, мехом, даже с драгоценными камнями, создавая шедевры для Серебряной аристократии, которая во всем подражает королевской семье.

Это бесконечная вереница прихорашивающихся павлинов, каждый из которых еще надменнее и нелепее предыдущего. Все – Серебряные, все – глупые, все – помешанные на своем статусе.

Сегодня я ненавижу их сильнее, чем обычно. Носков, которые они теряют, наверно, хватило бы, чтобы спасти от призыва нас с Килорном и половину Подпор.

И во второй раз за сегодня меня осеняет.

– Гиза. Проснись.

Я говорю в полный голос, но она спит как убитая.

– Гиза.

Сестра ворочается и стонет в подушку.

– Иногда я мечтаю тебя убить, – бормочет она.

– Очень приятно. Ну, просыпайся!

Глаза у нее по-прежнему закрыты, и я прыгаю, приземлившись сверху, как гигантская кошка. Прежде чем Гиза успевает завопить, заныть и разбудить маму, я зажимаю ей рот рукой.

– Просто послушай меня, вот и всё. Ничего не говори, только слушай.

Она сердито пыхтит, но тем не менее кивает.

– Килорн...

При упоминании этого имени Гиза явно краснеет. Даже хихикает, чего в норме никогда не делает. Но мне некогда разбираться с ее детской влюбленностью.

– Прекрати, Гиза. – Я с трудом перевожу дух. – Килорн попал под призыв.

И она замолкает. Призыв – не шутка. Только не для нас.

– Я нашла способ увезти его отсюда, спасти от войны, но для этого мне нужна твоя помощь.

Больно говорить это, но тем не менее я продолжаю:

– Гиза, я не справлюсь сама. Ты поможешь мне?

Она отвечает, не колеблясь, и я ощущаю невероятный прилив любви к сестре.

– Да.

Хорошо, что я небольшого роста, иначе запасной рабочий костюм Гизы не налез бы на меня. Он плотный и темный, вовсе не подходящий для летней жары, с пуговицами и молниями, которые буквально раскаляются на солнце. На спине у меня перекачивается мешок, и я чуть не падаю под тяжестью ткани и швейных принадлежностей. У Гизы тоже мешок и неудобный костюм, но, кажется, они ее вовсе не стесняют. Она привыкла к тяжелой работе и тяжелой жизни.

Мы проделываем большую часть пути вверх по реке, втиснувшись между мешками с зерном, на лодке одного добродушного фермера, с которым Гиза подружилась несколько лет назад. В наших краях люди доверяют ей, как никогда не доверяли мне. Фермер высаживает нас примерно за милю до Саммертона. Мы вливаемся в длинную вереницу торговцев, направляющихся в город, и бредем вместе с ними к Садовым Воротам, как их называет Гиза, хотя никакого сада и в помине нет. Ворота сделаны из сверкающего стекла, которое слепит нас еще на подходе. Из того же материала на вид и вся стена, хоть мне и не верится, что Серебряный король настолько глуп, чтобы прятаться в стеклянной крепости.

– Это не стекло, – объясняет Гиза. – Ну или, по крайней мере, не простое. Серебряные нашли способ расплавлять алмазы и смешивать их с другими материалами. Эта штука неуязвима. Ее даже бомба не пробьет.

«Алмазные стены».

– По-моему, это лишнее.

– Опusti голову. Разговаривать буду я, – шепчет Гиза.

Я иду следом за ней и смотрю на дорогу. Потрескавшийся черный асфальт сменяется белой каменной мостовой. Она такая гладкая, что я чуть не поскальзываюсь, но Гиза хватается

меня за руку и удерживает. Килорн без труда шагал бы по этим камням своей моряцкой походкой. Но Килорна здесь нет. Он уже сдался. А я не сдамся.

Когда мы подходим ближе к воротам, я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть, что же на той стороне. Хотя Саммертон живет только в течение летнего сезона и пустеет с первыми заморозками, это самый большой город из всех, что я видела. Здесь людные улицы, магазины, бары и закусочные, дома, дворы, а в самом центре – сверкающее громадное сооружение из алмазного стекла и мрамора. Теперь я понимаю, каким образом оно получило свое название. Замок Солнца сияет, как звезда, он вздымается на десятки метров в воздух извилистой массой шпиль и мостов. Некоторые его части затемнены, очевидно, намеренно, чтобы обитателей никто не тревожил. Нельзя, чтоб крестьяне глазели на короля и придворных.

У меня захватывает дух. Замок угрожающий и величественный – и это всего лишь летняя резиденция.

– Имя! – рявкает грубый голос, и Гиза мгновенно останавливается.

– Гиза Бэрроу. Это моя сестра, Мэра Бэрроу. Она помогает мне отнести кое-какие вещи моей хозяйке.

Гиза произносит это, не моргнув и глазом, голос у нее ровный, почти скучающий. Офицер безопасности кивает мне, и я демонстративно потряхиваю мешком. Гиза протягивает ему наши удостоверения – грязные, порванные, готовые развалиться на части. Но их вполне достаточно.

Мужчина, который остановил нас, очевидно, знает мою сестру, потому что на ее карточку он почти не смотрит. Зато мою изучает внимательно, целую минуту сличая лицо и фотографию. Может, он тоже шепот и способен прочесть мои мысли? Тогда моему предприятию скоро настанет конец, и, скорее всего, я заработаю себе проволочную петлю на шею.

– Руки, – со вздохом говорит он, как будто мы ему наскучили.

Я слегка теряюсь, но Гиза немедленно подставляет правое запястье. Я следую ее примеру и протягиваю охраннику руку. Он надевает нам на запястья красные ленты. Они стягиваются, пока не садятся плотно, как кандалы – снять их своими силами невозможно.

– Шагайте, – говорит охранник, лениво махнув рукой.

Для него две молодые девушки не представляют угрозы.

Гиза благодарно кивает, а я нет. Этот человек не заслуживает моего одобрения. Ворота открываются, и мы заходим. Стук сердца отдается у меня в ушах, заглушая шум Больших Садов. Мы попадаем в иной мир.

Такого рынка я еще никогда не видела. Здесь полно цветов, деревьев и фонтанов. Красных тут мало, и они торопятся – бегают с поручениями или продают собственные изделия, тоже отмеченные красными лентами. Хотя Серебряные лент не носят, их нетрудно распознать. Они покрыты драгоценными камнями и металлами – каждый носит на себе целое состояние. Одно движение руки – и я вернусь домой, снабженная всем необходимым. Все Серебряные высоки, красивы и холодны. Они движутся с неторопливым изяществом, которым не может похвастать ни один Красный. Нам просто некогда так двигаться.

Гиза ведет меня мимо булочной, где выставлены пироги с золотой посыпкой, мимо зеленой лавки, где лежат яркие разноцветные фрукты, которых я в жизни не видела, и даже мимо зверинца, полного диких животных, которых я и вообразить не в силах. Маленькая девочка, судя по одежде, Серебряная, кормит нарезанным яблоком какое-то полосатое, похожее на лошадь животное с невероятно длинной шеей. Чуть дальше я вижу витрину ювелирного магазина, которая переливается всеми цветами радуги. Я запоминаю место, хотя не растеряться здесь трудно. Воздух буквально пульсирует, он полон жизни.

Когда мне начинает казаться, что ничего не может быть фантастичней Саммертона, я внимательней смотрю на Серебряных и вспоминаю, кто они такие. Маленькая девочка – тельки, она заставляет яблоко взлетать на три метра вверх. Флорист проводит рукой над горшком с белыми цветами, и они начинают стремительно расти, обвиваясь вокруг его локтей.

Он – зеленый, повелитель растений. У фонтана сидят два нимфа, от нечего делать развлекают детей летающими водяными шариками. У одного из них оранжевые волосы и полные ненависти глаза, пусть даже вокруг бегают ребятишки. Площадь полна самых разных Серебряных, которые живут своей необыкновенной жизнью. Их так много, и каждый величественен, чудесен, могуч – и неизмеримо далек от известного мне мира.

– Вот так живет другая половина, – бормочет Гиза, ощутив мой трепет. – Меня просто тошнит.

Я ощущаю укор совести. Я всегда завидовала таланту Гизы и привилегиям, которые он ей дает, но о цене никогда не думала. Она редко ходила в школу, и в Подпорах у нее почти нет друзей. Будь Гиза обыкновенной, она обзавелась бы компанией. И умела бы улыбаться. Но эта четырнадцатилетняя девочка прокладывает себе путь иглой и ниткой, взвалив на спину будущее своей семьи и с головой погрузившись в мир, который она ненавидит.

– Спасибо, Ги, – шепотом говорю я ей на ухо.

Сестра кивает, зная, что я имею в виду не только сегодняшний день.

– Магазин Сэллы вон там. Синий навес. – Она указывает в переулок, на крошечную лавочку, зажатую между двумя кафе. – Я буду там, если понадобится.

– Не понадобится, – быстро отвечаю я. – Если что-то пойдет не так, я не стану тебя впутывать.

– Ладно.

Она берет меня за руку и на мгновение крепко ее сжимает.

– Будь осторожна. Сегодня тут людно. Больше, чем обычно.

– Значит, проще спрятаться, – подмигнув, отвечаю я.

Гиза произносит серьезным тоном:

– И охранников тоже больше.

Мы идем дальше, и с каждым шагом приближается та секунда, когда я останусь одна в этом странном месте. Когда Гиза осторожно снимает с моих плеч мешок, меня охватывает паника. Мы дошли до магазина.

Чтобы успокоиться, я бормочу себе под нос:

– Ни с кем не разговаривай, не смотри в глаза. Не останавливайся. Я уйду тем же путем, что и пришла, через Садовые Ворота. Охранник снимет ленту, и я пойду домой.

Гиза кивает, слушая меня; глаза у нее полны тревоги, но, кажется, в них есть и надежда.

– До дома десять миль.

– До дома десять миль, – эхом повторяет она.

Страшно жалея, что нельзя пойти с ней, я смотрю, как Гиза скрывается под синим навесом. Она помогла мне добраться сюда. Теперь моя очередь действовать.

Глава 4

Я проделывала это тысячу раз, наблюдая за толпой, как волк за стадом овец. Ища слабых, медлительных, глупых. Но теперь я и сама – добыча. Я могу случайно выбрать быстра, который поймает меня в мгновение ока, или, хуже того, шепота, который почует мое приближение за полмили. Даже маленькая девочка-тельки способна справиться со мной, если дела пойдут плохо. Так что мне придется быть проворней обычного, умней обычного, а самое плохое – больше обычного рассчитывать на удачу. Это сводит меня с ума. К счастью, никто не обращает внимания на еще одну Красную служанку, муравья под ногами богов.

Я возвращаюсь на площадь. Мои руки висят вдоль тела неподвижно, но я наготове. В норме это похоже на танец – я брожу в самой гуще толпы, свободно ныряя в карманы и хватая кошельки, точь-в-точь как пауки хватают мух. Но я не настолько глупа, чтобы испробовать этот способ здесь. Я двигаюсь вместе с толпой по площади. Наконец меня перестают ослеплять фантастические декорации, и я вижу то, что за ними кроется, – покрытые трещинами камни и черные униформы охранников в каждой тени. Невероятный мир Серебряных перестает быть расплывчатым. Я замечаю, что Серебряные почти не смотрят друг на друга и никогда не улыбаются. Девочка-тельки, кормящая своего странного длинношеего зверя, кажется, скучает, а покупатели даже не торгуются. Только Красные выглядят живыми, когда снуют среди медлительных мужчин и женщин из лучшего мира. Несмотря на жару, солнце и яркие флаги, это место кажется удивительно холодным.

Больше всего меня тревожат черные видеокамеры, которые торчат под навесами лавок и в переулках. Дома, в деревне, их всего несколько штук – на контрольном пункте и на арене, но тут они буквально повсюду. Я слышу, как они гудят, негромко напоминая: «За тобой следят».

Толпа увлекает меня по главной улице, мимо таверн и кафе. Серебряные сидят в уличных барах и наблюдают за толпой, наслаждаясь утренними напитками. Некоторые смотрят на видеоэкраны, висящие на стенах и в проходах. На каждом экране что-то свое, от старых записей Боев до ярких цветных программ, которые я не понимаю – все они смешиваются в голове. От пронзительных криков и треска помех гудит в ушах. Не понимаю, как они это выдерживают. Но Серебряные даже не моргают, глядя на экраны, они почти не обращают на них внимания.

Дворец отбрасывает на меня сияющую тень, и я вновь ловлю себя на том, что глазею на него в нелепом благоговении. К реальности меня возвращает какое-то гудение. Оно напоминает сигнал на арене, тот, который возвещает начало Боев, но только поначалу. Этот звук ниже и как бы тяжелее. Не успев ни о чем подумать, я поворачиваюсь.

В ближайшем баре на всех экранах возникает одна и та же картинка. Это не очередная королевская речь, а новости. Даже Серебряные, восхищенно замолкнув, останавливаются, чтобы посмотреть. Гудение затихает, и начинается репортаж. На экране появляется пышная светловолосая женщина, несомненно, Серебряная. Она держит перед собой листок бумаги. Вид у нее напуганный.

– Серебряные жители Норты, мы просим прощения за беспокойство. Тринадцать минут назад в столице произошел теракт.

Серебряные вокруг ахают и испуганно бормочут.

Я лишь недоверчиво моргаю. Террористы? Кто-то напал на Серебряных?

Это вообще возможно?

– Взрывы прогремели в правительственных зданиях в Западном Археоне. По последним сводкам, Королевский суд, Казначейство и Дворец Белого Огня пострадали, однако, к счастью, заседаний сегодня утром не было.

Картинка меняется: вместо женщины на экране появляется горящее здание. Сотрудники безопасности эвакуируют из него людей, а нимфы направляют воду на пламя. Лекари, с черно-красным крестом на рукаве, бегут туда-сюда.

– Королевской семьи не было во Дворце Белого Огня. Сведений о жертвах нет. Король Тиберий собирается обратиться к гражданам в ближайшее время.

Серебряный рядом со мной сжимает кулак и опускает его на стойку, так что по массивной каменной столешнице разбегаются тонкие трещинки. Ага, сильнорук.

– Это всё Озерные! Они теряют земли на севере и лезут с юга, чтобы напугать нас!

Некоторые вместе с ним высмеивают и бранят Озерных жителей.

– Надо стереть их с лица земли, оттеснить к самым Прериям! – отзывается другой Серебряный.

Вновь раздаются одобрительные возгласы. У меня уходят все силы, чтобы не одернуть этих трусов, которые никогда не окажутся на передовой сами и не пошлют на войну своих детей. За войну, которую затеяли Серебряные, платят кровью Красные.

Репортаж продолжается – показывают, как мраморный фасад здания суда взрывается, рассыпаясь пылью, а алмазная стена выдерживает удар огненной волны. Отчасти мне очень приятно. Серебряные уязвимы. У них есть враги – враги, способные причинить им ущерб, и они не прикрываются живым щитом из Красных.

Снова появляется диктор – еще более бледная. За кадром ей что-то шепчут, и она дрожащими руками перебирает свои листочки.

– Судя по всему, ответственность за террористическую атаку на Археон взяла на себя некая группировка, – говорит она, слегка запинаясь.

Серебряные замолкают, жадно ловя каждое слово.

– Террористическая организация, называющая себя Алой Гвардией, буквально несколько секунд назад выпустила видеообращение.

– Алая Гвардия? Это что такое? Какая-то шутка?

По бару разлетаются удивленные возгласы. Никто никогда не слышал об Алой Гвардии. Кроме меня.

Так назвала себя Фарли. Себя и Уилла. Но они же оба контрабандисты, а не террористы, ну или как их там называют по телевизору. Это совпадение. Взрыв не могли устроить они.

На экране передо мной ужасное зрелище. Перед шаткой камерой стоит женщина; ее лицо обвязано пунцовой банданой, так что видны только пронзительные синие глаза. В одной руке у нее пистолет, в другой – потрепанный алый флаг. А на груди – бронзовый значок с изображением разорванного пополам солнца.

– Мы – Алая Гвардия, и мы боремся за свободу и равенство всех людей... – говорит женщина.

И я узнаю ее голос.

ФАРЛИ.

– ...начиная с Красных.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что бар, полный разгневанных и жестоких Серебряных, – не лучшее место для Красной девушки. Но я не могу двинуться. Не могу отвести глаз от лица Фарли.

– Вы считаете себя владыками мира, но ваше правление – правление королей и богов – подходит к концу. Пока вы не признаете нас людьми и равными, мы будем сражаться с вами. Не на поле брани, а в ваших же городах. На ваших улицах. В ваших домах. Вы не видите нас, но мы повсюду.

В ее голосе – сила и спокойствие.

– И мы восстанем, алые, как рассвет.

«Алые, как рассвет».

Трансляция заканчивается, и на экране вновь возникает ослабевшая от страха блондинка. Завершение репортажа заглушает рев: Серебряные в баре наконец обретают дар речи. Они ругают Фарли, называют ее террористкой, убийцей, Красным дьяволом. Прежде чем они успевают заметить меня, я выскальзываю на улицу.

Но по всей улице, от площади до Замка, Серебряные толпой вываливаются из баров и кафе. Я пытаюсь сорвать с запястья красную ленту, но дурацкая штука держится крепко. Прочие Красные рассыпаются по переулкам и ныряют за двери, пытаюсь укрыться. Я не настолько глупа, чтобы не последовать их примеру. Едва я нахожу укромный закоулок, раздается крик.

Вопреки голосу разума я поворачиваюсь и вижу, как какого-то Красного поднимают в воздух, держа за шею. Он умоляет напавшего на него Серебряного:

– Пожалуйста, не надо! Я ничего не знаю! Я не знаю, кто эти люди!

– Что такое Алая Гвардия? – орет Серебряный ему в лицо.

Я узнаю его: это нимф, который полчаса назад играл с детьми.

– Кто они?

Прежде чем бедняга Красный успевает ответить, струя воды, подобная молоту, бьет его в лицо. Нимф поднимает руку, и вода опять окатывает жертву. Серебряные окружают обоих, злобно ухмыляясь и подбадривая своего. Красный отплеивается и задыхается, хватая ртом воздух. Он неумолчно твердит о своей невинности, но вода продолжает литься. Нимф, с широко раскрытыми глазами, полными ненависти, не собирается прекращать пытку. Он призывает воду из фонтанов, из каждого стакана и обрушивает ее на Красного снова и снова.

Пока тот не захлебывается.

Синий навес – мой маяк, к которому я, в равной мере избегая Серебряных и Красных, устремляюсь по улицам, забитым испуганной толпой. Обычно хаос – мой лучший друг, он помогает воровать. Никто не заметит пропажу кошелька, если в это время старается не угодить толпе под ноги. Но Килорн и две тысячи крон перестают быть моей основной задачей. Я думаю только о том, как бы добраться до Гизы и покинуть город, который, несомненно, станет моей тюрьмой, если запрут ворота. Не хочу даже думать о том, что могу застрять здесь, оказаться в ловушке за стеклянной стеной, в шаге от свободы.

Сотрудники безопасности бегают по улицам туда-сюда – они не знают, что делать и кого защищать. Некоторые окружают Красных и заставляют их становиться на колени. Те дрожат и молят о пощаде, уверяя, что ничего не знают. Я готова поспорить, что одна в целом городе слышала о существовании Алой Гвардии до теракта в Археоне.

И меня вновь охватывает страх. Если я попадусь, если расскажу Серебряным то немногое, что знаю, что будет с моей семьей? С Килорном? С Подпорами?

Попадаться нельзя.

Прячась за ларьками, я бегу со всех ног. Главная улица напоминает поле боя, но я неотрывно смотрю вперед, на синий навес по ту сторону площади. Миновав ювелирный магазин, я останавливаюсь. Одного украшения хватит, чтобы спасти Килорна. Но в ту же секунду мне в лицо летит вихрь стекла: меня заметил какой-то тельки. Он вновь прицеливается, но я не даю ему второго шанса. Я несусь, ныряя под навесы, прилавки и чужие руки, пока не оказываюсь на площади. Прежде чем я успеваю опомниться, под ногами начинает плескаться вода – я бегу прямо через фонтан.

Пенная синяя волна швыряет меня в сторону, и я падаю в бурлящую воду. В фонтане неглубоко, до дна максимум полметра, но вода похожа на свинец. Не могу двигаться, не могу плыть, не могу дышать, едва могу думать. Мой мозг в состоянии лишь вопить: «Нимфы!» Я вспоминаю бедолагу Красного на улице, которому вполне хватило полуметра, чтобы захлебнуться. Головой я ударяюсь о каменное дно и явственно вижу звезды и искры. Каждый дюйм

моей кожи словно наэлектризован. Вода, успокоившись, плещется вокруг, и я вынырываю. Воздух возвращается в легкие, обжигая горло и нос, но мне всё равно: я жива.

Маленькие, но сильные руки хватают меня за ворот и пытаются вытащить из фонтана. Это Гиза. Мои ноги отталкиваются от дна, и мы вместе валимся наземь.

– Надо спешить! – кричу я, с трудом поднимаясь.

Гиза уже бежит впереди, направляясь к Садовым воротам.

– Какая ты умная! – бросает она через плечо.

Я невольно оглядываюсь. На площадь врывается толпа Серебряных, которые с жадностью волков обыскивают ларьки. Немногочисленные оставшиеся Красные съеживаются на земле, умоляя о пощаде. А в фонтане, из которого я только что выбралась, лицом вниз плавает какой-то рыжеволосый мужчина.

Я дрожу, все нервы пылают. Мы протискиваемся к воротам. Гиза держит меня за руку и тащит сквозь толпу.

– Десять миль до дома, – бормочет она. – Ты нашла то, что хотела?

Ощувив всю тяжесть стыда, я качаю головой. Я не успела. Я едва добралась до конца улицы, когда включили новости. Я ничего не смогла сделать.

Гиза мрачнеет и хмурится.

– Мы что-нибудь придумаем, – говорит она, и в ее голосе я слышу знакомое отчаяние.

Впереди маячат ворота, с каждой секундой становясь всё ближе. Они вселяют в меня ужас. Как только я пройду через них, как только покину Саммертон, Килорна можно считать пропавшим.

Наверное, поэтому Гиза решает рискнуть.

Прежде чем я успеваю ее остановить, схватить за локоть, оттащить, она запускает свою маленькую ловкую руку в чью-то сумку. Не просто в чью-то. Это Серебряный, который тоже спасается от давки. Серебряный со свинцовыми глазами, суровым носом и квадратными плечами, которые буквально говорят «не шути со мной». Гиза, возможно, спец по обращению с иглой и ниткой, но она не карманник. Секунда – и Серебряный понимает, в чем дело.

И тут кто-то хватается Гизу, оторвав ее от земли.

Это точная копия первого Серебряного. Их двое. Близнецы?

– Сейчас не лучшее время лазать по карманам, – говорят они в унисон.

А потом их становится трое, четверо, пятеро, шестеро – они окружают нас. Множатся.

Это клон.

У меня кружится голова.

– Она не хотела ничего плохого, она просто глупая девчонка...

– Я просто глупая девчонка! – кричит Гиза, пытаясь лягнуть того, кто ее держит.

Они хором хихикают. Ужасный звук.

Я бросаюсь к сестре, пытаясь ее освободить, но один из них меня отталкивает, и я лечу наземь. От удара о камни весь воздух вылетает из легких. Пока я судорожно пытаюсь вдохнуть, один близнец ставит ногу мне на живот и прижимает меня к земле.

– Пожалуйста... – хриплю я, но никто не слушает.

Гудение в ушах означает, что все камеры поворачиваются к нам. Я вновь ощущаю в себе электрический ток; на сей раз это страх за сестру.

Охранник, тот самый, который впустил нас утром, спешит к нам с винтовкой в руке.

– Что тут такое? – рычит он, глядя на одинаковых Серебряных.

Один за другим они сливаются, так что в конце концов остаются лишь двое – тот, который держит Гизу, и тот, который прижимает меня к земле.

– Вот воровка, – говорит первый, встряхивая мою сестру.

Надо отдать ей должное, Гиза молчит.

Охранник смотрит на нее, и его суровое лицо на мгновение перекашивается.

– Ты знаешь закон, девочка.

Гиза опускает голову.

– Я знаю закон.

Я сопротивляюсь изо всех сил. Я должна их остановить! Разлетается стекло; ближайший экран трещит и вспыхивает, разбитый толпой. Но это совершенно не мешает охраннику, который хватает Гизу и толкает ее наземь.

Я кричу, присоединяя свой голос к общему хаосу:

– Это я! Я всё придумала! Не трогайте ее!

Но они не слушают. Им плевать.

Гиза падает рядом со мной. Она смотрит на меня, а охранник с размаху опускает приклад винтовки на ее правую руку, дробя кости.

Глава 5

Килорн найдет меня, где бы я ни спряталась, поэтому я не останавливаюсь. Я несусь так, словно могу убежать от того, что сделала с Гизой, от того, как подвела Килорна, от того, как всё испортила. Но убежать от выражения маминого лица в ту минуту, когда я привела Гизу домой, нельзя. Я увидела тень отчаяния в ее глазах и удрала раньше, чем подкатил на своем кресле отец. У меня не хватило духа встретиться с ними обоими.

Я струсила.

Поэтому я бегу, пока мысли не заканчиваются, пока не улечиваются все плохие воспоминания. Остается только жжение в мышцах. Я даже уверяю себя, что влага на моих щеках – это дождь.

Оказавшись в нескольких милях от деревни, на ужасной северной дороге, я наконец останавливаюсь, чтобы отдышаться. Свет струится сквозь ветви деревьев вокруг таверны, каких полно на старых дорогах. Как всегда летом, она переполнена, там много прислуги и сезонных рабочих, которые следуют за королевским двором. Эти люди не живут в Подпорах и не знают меня в лицо, поэтому они – легкая добыча для карманника. Я продельваю это каждое лето, но раньше со мной всегда был Килорн – он сидел и улыбался в кружку, наблюдая за процессом. Недолго ему осталось улыбаться...

Раздается взрыв смеха – из таверны вываливаются несколько мужчин, пьяные и счастливые. Кошельки у них бренчат, там лежит дневной заработок. Деньги Серебряных – за услуги, улыбки и поклоны чудовищам, одетым господами.

Сегодня я причинила столько вреда, столько боли тем, кого люблю больше всех на свете. Надо развернуться, пойти домой и взглянуть им в лицо хотя бы с некоторой долей храбрости. Но вместо этого я устраиваюсь в тени таверны, радуясь тому, что меня не видно.

Наверное, я только и умею, что делать больно.

Нужно совсем немного времени, чтобы карманы моей куртки наполнились. Пьянчуги выходят из таверны каждые несколько минут, и я прижимаюсь к ним, наклеив на лицо улыбку, чтоб не смотрели на руки. Никто ничего не замечает, никому даже нет дела, когда я вновь исчезаю. Я тень, а люди не запоминают тени.

Наступает полночь, а я всё еще стою и жду. Луна над головой напоминает о времени, о том, сколько я здесь провела. «Еще один карман, – говорю я себе. – Еще один карман, и я уйду». Я твержу это уже целый час.

Я ни о чем не думаю, когда появляется очередной клиент. Он смотрит на небо и не замечает меня. Слишком легко протянуть руку, слишком легко поддеть пальцем завязки чужого кошелька. Я могла бы догадаться, что дело тут нечисто, но побоище в городе и пустые глаза Гизы заставили меня поглупеть от горя.

Он хватает меня за запястье, крепкой, странно горячей рукой и вытаскивает из тени. Я сопротивляюсь, пытаюсь вырваться и убежать, но он слишком силен. Когда он разворачивается, огонь в его глазах пробуждает во мне страх, точно такой же, который я ощущала сегодня утром. Но я приму любое наказание, какое он придумает. Я всё это заслужила.

– Воровка, – говорит он, и, как ни странно, в его голосе звучит удивление.

Я моргаю и подавляю желание рассмеяться. Даже на возражения нет сил.

– Очевидно.

Он смотрит на меня, изучая целиком, от лица до поношенных ботинок. Под его взглядом я ежусь. После длительного наблюдения он тяжело вздыхает и разжимает пальцы. Я с недоумением смотрю на него. Когда в воздухе мелькает серебряная монетка, у меня едва хватает проворства ее поймать. Это тетрарх. Серебряный тетрарх стоимостью в целую крону. Гораздо крупнее любой из краденых монет в моем кармане.

– Этого тебе хватит, чтоб перекантоваться, – говорит он, прежде чем я успеваю ответить.

При свете, падающем из таверны, его глаза блестят золотисто-красным – цветом тепла. Я много лет наблюдала за людьми, и опыт не подводит меня – даже теперь. Его черные волосы слишком блестящи, кожа слишком бледна. Скорее всего, просто слуга. Но сложен он как дровосек – у него широкие плечи и крепкие ноги. Он тоже молод, чуть старше меня, хотя далеко не так самоуверен, как любой обычный юноша девятнадцати-двадцати лет.

Мне бы следовало целовать ему ноги за то, что он сжалился надо мной и сделал такой роскошный подарок, но любопытство берет верх. Как всегда.

– Почему? – с трудом, хрипло выговариваю я.

После такого дня, как сегодня, на что я могу надеяться?

Он жмет плечами, явно застигнутый врасплох моим вопросом.

– Ты в этом нуждаешься больше, чем я.

Хочется швырнуть монету ему в лицо, сказать, что я сама могу о себе позаботиться, но я знаю, что делать этого не стоит. «Сегодняшний день ничему тебя не научил?»

– Спасибо, – выговариваю я сквозь зубы.

Он отчего-то смеется, услышав мою вымученную благодарность.

– Будь осторожней.

И подходит на шаг. Какой он странный...

– Ты живешь в деревне, если не ошибаюсь?

– Да, – отвечаю я, указывая на себя.

Выгоревшие волосы, грязная одежда, полные безнадежности глаза... где еще я могу жить? Он совершенно не похож на меня – рубашка у него красивая и чистая, ботинки сшиты из мягкой блестящей кожи. Под моим взглядом он принимается терев воротничок. Я заставляю этого парня нервничать.

В лунном свете он бледнеет, глаза у него бегают.

– Тебе нравится? – спрашивает он, меняя тему. – Нравится жить здесь?

От такого вопроса я чуть не разражаюсь смехом, но он, очевидно, не шутит.

– А кому-нибудь это нравится? – наконец отвечаю я, гадая, что за игру он затеял.

Но вместо того чтобы быстро парировать, огрызнуться в ответ, как сделал бы Килорн, он замолкает. И мрачнеет.

– Ты идешь обратно? – внезапно спрашивает он, указав на дорогу.

– А что, ты боишься темноты? – растягивая слова и сложив руки на груди, спрашиваю я.

Но в глубине души задумываюсь, не пора ли испугаться. Он силен и быстр, а я здесь одна.

На его лице снова появляется улыбка. Как ни странно, она вселяет в меня спокойствие.

– Нет, я просто хочу убедиться, что сегодня ты больше не будешь давать волю рукам. Нельзя же, чтоб ты обобрала половину здешних клиентов. Кстати, меня зовут Кэл, – добавляет он и протягивает руку.

Я не принимаю ее, вспомнив обжигающий жар его кожи. Вместо этого я устремляюсь по дороге, быстро и тихо.

– Мэра Бэрроу, – говорю я через плечо, и он, широко шагая своими длинными ногами, скоро меня нагоняет.

– Ты всегда так любезна? – интересуется он, и почему-то я чувствую себя подопытным животным. Но холодная монета в ладони придает мне спокойствия и напоминает о том, что еще есть у него в карманах. Серебро для Фарли. Как вовремя.

– Господа, должно быть, хорошо тебе платят, если ты носишь с собой целые кроны, – отзываюсь я, надеясь отвлечь его от своей особы.

Мой прием действует – он отступает.

– У меня хорошая работа, – объясняет Кэл с деланой беспечностью.

– Это тебе так кажется.

– Но ты...

– Мне семнадцать, – договариваю я. – У меня еще есть немного времени до призыва.

Он прищуривается, его губы стягиваются в линию. С ожесточением в голосе, отчетливо выговаривая каждое слово, он спрашивает:

– Сколько времени?

– С каждым днем всё меньше.

Я произношу это вслух и чувствую, как в животе что-то обрывается. «А у Килорна времени еще меньше».

Его слова затихают вдали, и он снова смотрит на меня – очень внимательно, – пока мы идем через лес. Он о чем-то размышляет.

– А работы в округе нет, – бормочет Кэл, скорее, обращаясь к себе, чем ко мне. – Никаких способов избежать призыва.

Его удивление озадачивает меня.

– Может быть, в тех краях, откуда ты родом, дела обстоят иначе.

– Поэтому ты воруюсь.

«Я ворую».

– Больше я ничего не умею, – срывается с моих губ.

И опять я вспоминаю, что лучше всего умею причинять боль.

– Зато у моей сестры есть работа.

И тут до меня доходит: «Нет. У нее больше нет работы. Это я виновата».

Кэл видит, как я подбираю слова, пытаюсь понять, нужны объяснения или нет. Больше я ничего не могу сделать, чтобы не утратить спокойствия, не разрыдаться в присутствии совершенно постороннего человека. Но он, очевидно, догадывается, что я пытаюсь скрыть.

– Ты сегодня была в Замке?

Кажется, он уже знает ответ.

– Эти беспорядки были ужасны.

– Да, – выговариваю я, едва не подавившись.

– Ты... – продолжает он очень тихо, очень спокойно.

Как будто пробивает дырочку в плотине. И всё выливается. Я не сумела бы удержаться, даже если бы хотела.

Я умалчиваю про Фарли, про Алую Гвардию, даже про Килорна. Рассказываю только про то, как сестра провела меня в Сады, чтобы помочь наворовать денег, которые жизненно нам необходимы. Я рассказываю об ее ошибке, об увечье, о том, что это значит для нас. О том, какой вред я принесла своим родным. О том, что я вечно разочаровываю мать, позорю отца, ворую у людей, которых зову соседями. Здесь, на дороге, где нет ничего, кроме мрака, я признаюсь незнакомцу, какой я ужасный человек. Он не задает вопросы, даже когда я начинаю путаться. Он просто слушает.

– Больше я ничего не умею, – повторяю я, и голос отказывает мне.

Краем глаза я замечаю блеск серебра. Он достал еще одну монетку. В лунном свете я вижу изображение королевской пламенеющей короны. Когда он вкладывает монетку мне в руку, я ожидаю ощутить жар, но пальцы Кэла холодны.

Впору крикнуть: «Я не нуждаюсь в твоей жалости!», но это будет глупо. На две кроны можно купить то, что не сумеет заработать Гиза.

– Я очень сочувствую тебе, Мэра. Так не должно продолжаться.

Я так устала, что нет сил даже нахмуриться.

– Некоторые живут еще хуже. Не надо меня жалеть.

Он расстается со мной на окраине деревни, и я в одиночестве иду между стоящими на сваях домиками. Кэлу не нравятся грязь и темнота, и он исчезает, прежде чем я успеваю поблагодарить этого странного слугу.

В нашем доме тихо и темно, и тем не менее я дрожу от страха. Такое чувство, что я уехала в Саммертон давным-давно. Утром закончилась моя прежняя жизнь, когда я была глупой и самовлюбленной, но, возможно, чуть более счастливой. Теперь у меня не осталось ничего, кроме друга, которого заберут в армию, и сестры с переломанными костями.

– Зря ты так пугаешь мать, – раздается громкий голос отца из-за свай.

Я уже много лет не видела его внизу.

Пискляво от удивления и от страха я спрашиваю:

– Папа? Что ты делаешь? Как ты...

Он тычет пальцем через плечо, указывая на прилаженную под домом лебедку. Он впервые ей воспользовался.

– Электричество выключилось. Я подумал, что надо взглянуть, – говорит он угрюмо, как всегда.

Папа катит мимо меня и останавливается перед распределительным щитом, вкопанным в землю. Такая штука есть в каждом доме – она регулирует подачу энергии и не позволяет свету выключаться.

Папа тяжело дышит, и в его груди что-то щелкает при каждом вдохе. Может быть, Гиза теперь станет такой же, как он, – ее рука превратится в металлическое месиво, а мозг отравят мысли о том, чего ей не суждено достичь.

– Почему ты просто не используешь рационки, которые я приношу?

В ответ папа достает из кармана рубашки рационку и сует ее в прорезь. В норме щит ожил бы, но сейчас ничего не происходит. Видимо, он сломался.

– Без толку, – говорит папа, откидываясь на спинку кресла.

Мы оба смотрим на металлический ящик и не произносим ни слова. Нам неохота двигаться, неохота идти домой. Папа, как и я, сбежал, не в силах сидеть рядом с мамой, которая наверняка рыдает над Гизой, оплакивая погибшие мечты, в то время как сестра изо всех сил пытается к ней не присоединиться.

Папа бьет по ящику, как будто проклятая штуковина может внезапно вернуть нам свет, тепло и надежду. Его движения становятся беспокойными и отчаянными, он буквально источает гнев. Папа злится не на меня и не на Гизу – на весь мир. Когда-то он сказал, что мы – муравьи, Красные муравьи, которые сгорают в лучах Серебряного солнца. Уничтоженные чужим величием, проигравшие битву за право существовать... в нас нет ничего особенного. Мы не эволюционировали, как они, не обрели силу и способности, которые не под силу представить нашему ограниченному воображению. Мы остались прежними, заключенными в собственных телах. Мир вокруг изменился, а мы остались прежними.

Затем гнев вспыхивает и во мне: я проклиная Фарли, Килорна, призыв, всё, что приходит в голову. Металлический ящик холоден на ощупь – он давно утратил тепло электричества. Но он еще вибрирует где-то в глубине, как будто ждет, когда его снова включат. Я отвлекаюсь, пытаюсь починить распределительный щит и доказать, что в этом искаженном мире хоть что-то работает как положено. Кончики пальцев натыкаются на что-то острое, и всё мое тело вздрагивает. Я, очевидно, нашла обнаженный провод или неисправный выключатель. Похоже на булавочный укол. Как будто в нерв воткнулась иголка, только безболезненно.

На крыльце над нами гудит и зажигается фонарь.

– Ну надо же, – бормочет папа.

Он разворачивается в грязи и катит к лебедке. Я тихо иду за ним, не желая заговаривать о том, отчего мы оба так боимся места, которое называем домом.

– Больше не убегай, – негромко просит папа, пристегиваясь к подъемнику.

– Не буду, – соглашаюсь я, обращаясь, скорее, к себе, чем к нему.

Лебедка напряженно гудит, поднимая его на крыльцо. Я поднимаюсь по лестнице первая и жду папу наверху, чтобы помочь ему с коляской.

– Вот чертова штуковина, – ворчит папа, когда мы наконец расстегиваем последний ремень.

– Мама обрадуется, что ты выходишь из дому.

Он внимательно смотрит на меня и вдруг хватается за руку. Хотя папа теперь почти не работает – в основном он чинит всякие мелочи и строгаёт игрушки для детей, – руки у него по-прежнему грубые и мозолистые, как будто он лишь недавно вернулся с фронта.

Война всегда с нами.

– Не говори матери.

– Но...

– Ты, наверное, думаешь, что это ерунда, но ее надежды меня просто убивают. Она думает, что всё еще наладится, понимаешь? Сначала я выйду из дома ночью, потом днем, потом буду кататься с ней по рынку, как двадцать лет назад. Потом всё снова станет как было. – Его глаза темнеют, но папа очень старается говорить негромко и ровно. – Мне никогда не станет лучше, Мэра. Я никогда не поправлюсь. И я не могу позволить ей надеяться, потому что знаю, что этому не бывать. Ты понимаешь?

«Слишком хорошо понимаю».

Он знает, к чему меня привела надежда, поэтому папа смягчается.

– Хотел бы я, чтоб мы жили по-другому.

– Мы все этого хотим.

Несмотря на темноту, я вижу сломанную руку Гизы, когда поднимаюсь на чердак. В норме сестра спит, свернувшись клубочком под тонким одеялом, но сейчас она лежит на спине, пристроив поврежденную кисть на куче тряпья. Мама снова наложила шину, усовершенствовав мои жалкие попытки помочь: я вижу свежие бинты. Не нужен свет, чтобы догадаться, что бедная рука Гизы почернела от кровоподтеков. Сестра спит беспокойно, мечется, но рука лежит неподвижно. Даже во сне она причиняет боль.

Я хочу обнять Гизу, но разве можно искупить ужасные события минувшего дня?

Я достаю письмо Шейда из маленькой шкатулки, где держу всю переписку. Оно меня успокоит. Его шутки, его слова, голос, заключенный в бумаге, всегда меня утешают. Но, перечитывая письмо, я ощущаю ужас.

«Алое, как рассвет...» – говорится там. Вот так, просто и ясно. Те же самые слова произнесла в новостях Фарли. Боевой клич Алой Гвардии, начертанный рукой моего брата. Фраза слишком странная, чтобы ее проигнорировать, слишком необычная, чтобы отмахнуться. И следующее предложение: «Солнце встает, и оно всё ярче с каждым рассветом». Мой брат умен, но практичен. Его не волнуют рассветы, закаты и прочие красоты. Слово «встает» эхом отзывается во мне, но вместо Фарли я слышу Шейда: «восстанем... алые, как рассвет».

Шейд что-то знал. Много недель назад, еще до атаки на Археон, до видеообращения Фарли, Шейд что-то знал про Алую Гвардию и пытался сообщить нам.

Но зачем?

Потому что он – тоже мятежник.

Глава 6

Когда на рассвете распахивается дверь, я не пугаюсь. Обыски – обычное дело, хотя в норме они случаются пару раз в год. А это – уже третий.

– Вставай, Ги, – бормочу я, помогая сестре выбраться из постели и спуститься по лестнице.

Она двигается осторожно, держась здоровой рукой. Внизу нас ждет мама. Она обнимает Гизу, но глядит при этом на меня. К моему удивлению, на мамином лице я не вижу ни гнева, ни даже разочарования. Она смотрит ласково.

Двое сотрудников безопасности ждут у двери, с ружьями на боку. Они служат здесь, в деревне. Третья – молодая женщина в красном, с трехцветным изображением короны на груди. Она состоит в штате королевской прислуги. И тогда до меня доходит. Это не обычный обыск.

– Мы подчиняемся, – буркает отец. Эти слова мы должны говорить всякий раз, когда к нам являются представители властей.

Но вместо того чтобы разделить и обшарить дом, сотрудники безопасности стоят неподвижно.

Молодая женщина выходит вперед и, к моему ужасу, обращается ко мне:

– Мэра Бэрроу, тебя вызывают в Саммертон.

Гиза цепляется за меня здоровой рукой, как будто этому можно воспрепятствовать.

– Что? – с трудом выговариваю я.

– Тебя вызывают в Саммертон, – повторяет женщина и указывает на дверь. – Мы тебя проводим. Прошу проследовать.

Вызов. Для Красной. Никогда в жизни я ни о чем подобном не слышала. Почему я? Что я сделала, чем это заслужила?

С другой стороны – я преступница; возможно, меня сочли террористкой из-за знакомства с Фарли. Нервы так и горят, всё тело напряжено и готово к бегству. Впрочем, охранники загораживают выход. «Будет чудо, если я хотя бы доберусь до окна».

– Успокойся, после вчерашнего в городе спокойно. – Женщина усмехается, ошибочно истолковав мой страх. – Замок и рынок теперь под контролем. Прошу проследовать.

К моему удивлению, она улыбается, несмотря на то что охрана держится за оружие. У меня леденеет кровь.

Отказать сотрудникам безопасности, не явиться на королевский призыв – это означает смерть, причем не только для меня.

– Ладно, – бормочу я, отцепляя руку сестры. Она пытается удержать меня, но мама отталкивает Гизу.

– Увидимся?

Вопрос повисает в воздухе, и я чувствую, как папина теплая ладонь касается моей руки. «Он прощается». Мамины глаза блестят от непролитых слез, и Гиза тоже старается не моргать, не желая тратить даром последние секунды нашего общения. «Мне даже нечего оставить ей на память». Но прежде чем я успеваю замешкаться или заплакать, один из охранников берет меня за руку и тянет прочь.

Слова сами слетают с моих губ, хотя звучат они не громче шепота:

– Я люблю вас.

А потом за мной захлопывается дверь, отрезав меня от родных людей и прежней жизни.

Мы торопливо идем через деревню, направляясь к рыночной площади. Мы минуем убогий домишко Килорна. Раньше он в это время уже шагнул на реку, чтобы приняться за работу пораньше, до жары, но те дни миновали. Теперь, скорее всего, он будет спать до полудня, наслаждаясь небольшими радостями, которые доступны ему в канун призыва. Мне хочется крик-

нута Килорну «до свидания», но я молчу. Потом он придет к нам и спросит, что случилось, и Гиза расскажет ему всё. С тихим смешком я вспоминаю, что Фарли будет ждать меня сегодня, с деньгами. И напрасно.

На площади нас ожидает блестящий черный транспорт. Четыре колеса, стеклянные окна, закругленные бока... он похож на зверя, готового нас поглотить. За пультом управления сидит еще один сотрудник безопасности; он запускает мотор, когда мы приближаемся, и в утренний воздух вылетает клуб черного дыма. Меня молча заставляют сесть сзади. Слуга короля едва успевает устроиться рядом, когда транспорт срывается с места и несется по дороге с совершенно невообразимой скоростью. Я в первый – и в последний – раз еду в такой штуковине.

Я хочу поговорить, спросить, в чем дело, узнать, как меня накажут за мои преступления, но мне, разумеется, не ответят. Поэтому я просто смотрю, как скрывается из виду деревня. Мы въезжаем в лес и несемся по знакомой северной дороге. Она сегодня не так переполнена, как вчера, и на ней полно охраны. «Замок под контролем», – сказала моя спутница. Видимо, именно это она и имела в виду.

Впереди сияет стена из алмазного стекла, отражая солнце, встающее из-за леса. Я очень хочу зажмуриться, но заставляю себя сохранять спокойствие. Здесь надо держать глаза открытыми.

Возле ворот кишат черные униформы – все сотрудники безопасности проверяют и перепроверяют входящих путников. Как только транспорт останавливается, слуга короля тащит меня в обход очереди, прямо в ворота. Никто не возражает, никто не удосуживается даже посмотреть удостоверение. Очевидно, ее тут знают.

Едва мы оказываемся за воротами, она смотрит на меня.

– Кстати, меня зовут Энн, но в основном мы обращаемся друг к другу по фамилиям. Зови меня Уолш.

Уолш. Знакомая фамилия. В сочетании с выгоревшими волосами и смуглой кожей она может означать лишь одно.

– Ты из...

– Из Подпор, как и ты. Я знала твоего брата Трами и, к сожалению, Бри тоже. Тот еще сердцеед.

До ухода в армию у Бри была скверная репутация. Он сказал мне однажды, что не так уж боится призыва: гораздо опаснее десяток жаждущих крови девушек, которых он оставляет в Подпорах.

– Впрочем, с тобой я не знакома. Но обязательно познакомлюсь.

Я невольно напрягаюсь.

– В каком смысле?

– В том, что тебе предстоит работать здесь с утра до ночи. Не знаю, кто тебя нанял и что ты знаешь про свои новые обязанности, но учти: дело не только в том, чтобы менять простыни и мыть посуду. Нужно смотреть, не видя, слушать, не слыша. Мы – вещи, живые статуи, необходимые для услуг.

Она тихонько вздыхает, поворачивается и открывает дверь неподалеку от ворот.

– Особенно теперь, когда началась эта история с Алой Гвардией. Красным всегда тяжело, но сейчас дела совсем плохи.

Уолш заходит – как будто в сплошную стену. Я не сразу понимаю, что моя спутница спускается по лестнице, ведущей в полутьму.

– Работа? – спрашиваю я. – Какая работа? О чем речь?

Она поворачивается, стоя на лестнице, и закатывает глаза.

– Тебя вызвали, чтобы взять на службу, – говорит Уолш, как будто это само собой разумеется.

Работа. Служба. При этих словах я чуть не падаю.

Кэл. Он сказал, что у него хорошая работа – и, очевидно, потянул за какие-то ниточки, чтобы помочь и мне. Возможно, мы будем работать вместе. Сердце у меня радостно подскакивает – я понимаю, что это значит. «Я не умру, мне даже не придется воевать. Я буду работать, я буду жить. А когда мы с Кэлом снова встретимся, я уговорю его помочь и Килорну».

– Не отставай, я не стану держать тебя за руку!

С трудом пробираясь следом за Уолш, я спускаюсь в удивительно темный туннель. На стенах горят маленькие лампочки – едва-едва можно оглядеться. Над головой гудят трубы – по ним текут вода и электричество.

– Куда мы идем? – запыхавшись, спрашиваю я.

Она недоуменно поворачивается ко мне, и я слышу в голосе Уолш досаду:

– В Замок Солнца, естественно.

Сейчас у меня разорвется сердце.

– Что-что? В замок, в настоящий замок?

Уолш постукивает по значку на груди. Корона поблескивает в тусклом свете.

– Теперь ты служишь королю.

Для меня уже готова рабочая одежда, но я почти не смотрю на нее. Я слишком потрясена тем, что вокруг – желто-коричневый камень, блестящая мозаика на полу... Вокруг суетятся другие слуги в красных ливреях. Я всматриваюсь в их лица, ища Кэла, чтобы сказать ему спасибо, но его нигде не видно.

Уолш стоит рядом и нашептывает советы:

– Ничего не говори. Ничего не слушай. Ни к кому не обращай, потому что всё равно не ответят.

Я едва в силах связать два слова; события последних дней перевернули мои сердце и душу. Такое ощущение, что рухнула плотина и теперь я тону в бурном потоке, полном водоворотов.

– Сегодня сложный день, может быть, самый сложный из всех, что нам выпадали.

– Я видела лодки и самолеты... Серебряные уже несколько недель съезжаются сюда, – говорю я. – Их больше, чем обычно. Даже несмотря на то что лето.

Уолш тянет меня за собой и вручает мне поднос с блестящими чашками. Несомненно, эти вещицы понравились бы Фарли, но во Дворце охраняют каждую дверь и каждое окно. При всех своих умениях я не сумею проскользнуть мимо стольких сотрудников безопасности.

– А что такое происходит сегодня? – тупо спрашиваю я.

Темная прядь падает мне на глаза, и, прежде чем я успеваю ее отвести, Уолш собирает мои волосы и закалывает их на затылке маленькой шпилькой. Ее движения быстры и точны.

– Я задала глупый вопрос?

– Нет. Я сама ничего не знала, пока не началась подготовка. В последний раз это было двадцать лет назад, когда выбрали королеву Элару.

Уолш говорит так быстро, что ее слова почти невозможно разобрать.

– Сегодня Выбор Королевы. Девушки из самых Высоких Домов, из лучших Серебряных семейств, съехались сюда, чтобы представиться принцу. Вечером будет большой пир, а сейчас все в Спиральном саду, готовятся к аудиенции, и каждая надеется, что ее выберут. Одна из этих девушек станет будущей королевой, и ради такого шанса они готовы поубивать друг друга.

Передо мной встает образ стаи павлинов.

– Что же, они кружатся, говорят любезности, хлопают ресницами?

Уолш фыркает и качает головой:

– Ну нет.

Глаза у нее вспыхивают.

– Ты теперь служишь, поэтому всё увидишь сама.

Впереди виднеется дверь, сделанная из резного дерева и переливающегося стекла. Слуга открывает ее, выпуская вереницу красных ливрей. Настает и моя очередь.

– А ты не пойдешь? – Я слышу в собственном голосе отчаяние.

Я готова умолять Уолш, чтобы она не бросала меня. Но та отступает, и я остаюсь одна. Прежде чем налаженное движение слуг успевает замедлиться или нарушиться, я справляюсь с собой – заставляю себя шагнуть вперед и выйти в залитый солнцем Спиральный сад, или как он там называется.

Поначалу мне кажется, что я попала на арену, примерно как у нас в деревне. Сад напоминает гигантскую чашу, но вместо каменных скамей спиральные террасы уставлены столиками и плюшевыми креслами. Каскадами стекают струи фонтанов, деля сад на сектора. Вода сливается вниз, обрамляя травянистую круглую площадку с каменными статуями. Впереди – окруженное перилами возвышение, сплошь задрапированное алым и черным шелком. Там стоят четыре железных кресла.

Что это, черт возьми, за место?

У меня всё сливается перед глазами. Лучший вариант – следовать примеру прочих Красных. Я – кухонная прислуга, мое дело мыть посуду и помогать поварам, а прямо сейчас – готовить арену к предстоящему событию. Не понимаю, зачем королевской семье нужна арена. У нас в деревне ее используют только для Боев, чтобы мы могли полюбоваться, как Серебряные дерутся с Серебряными, но что она может означать здесь, во дворце? Кровь никогда не пятнала этих полов. Тем не менее эта арена-не-арена наполняет меня зловещими предчувствиями. Возвращается нервное покалывание, которое волнами накатывает под кожей.

Я заканчиваю свои дела и возвращаюсь к двери для слуг, когда празднество уже вот-вот начнется.

Остальные слуги убираются с глаз долой, поднявшись на платформу, скрытую прозрачными занавесками. Я забираюсь вслед за ними и занимаю место в строю, как раз когда открывается еще одна дверь, расположенная прямо между королевской ложей и входом для прислуги.

«Начинается».

Я мгновенно вспоминаю Большие Сады и прекрасных, жестоких созданий, называющих себя людьми. Яркие, тщеславные, с суровыми глазами и отвратительным характером. Эти Серебряные, представители Высоких Домов, как назвала их Уолш, вряд ли окажутся иными. Вероятно, они еще хуже.

Они входят разноцветной толпой и с бесстрастной грацией растекаются по Спиральному саду. Разные семьи, или Дома, нетрудно отличить друг от друга: у каждого клана свой цвет. Фиолетовый, зеленый, желтый... настоящая радуга. Я быстро сбиваюсь со счета. Сколько же тут этих Домов? Все новые и новые Серебряные присоединяются к толпе – одни останавливаются поболтать, другие чопорно обнимаются. Я понимаю: это для них праздник. Большинство, наверно, и не собираются выставлять кандидатов, они просто приехали развлечься.

Но у некоторых, кажется, настроение совсем не праздничное. Справа от королевской ложи в сосредоточенном молчании сидит сереброволосое семейство в черных шелковых одеждах. У главы семьи – острая борода и черные глаза. Чуть дальше шепчется Дом в сине-белых цветах. К своему удивлению, я вижу там знакомое лицо. Это Самсон Мерандус, шепот, который бился на арене несколько дней назад. В отличие от остальных, он мрачно смотрит в землю и думает о своем. Я решаю любой ценой избегать столкновения с ним и с его смертоносными способностями.

Как ни странно, я не вижу ни одной девушки в возрасте, подходящем для невесты принца. Возможно, они где-то готовятся и с волнением ожидают своего часа.

Время от времени кто-нибудь нажимает квадратную металлическую кнопку на столике, и загорается огонек, дающий понять, что нужен слуга. На вызов спешит тот, кто стоит ближе

к двери, а остальные сдвигаются и ждут своей очереди. Разумеется, в ту секунду, когда возле двери оказываюсь я, кнопку на столе нажимает проклятый черноглазый старик.

Хорошо, что ноги еще никогда меня не подводили. Я буквально бегу через толпу, пробираясь между гуляющими гостями. Сердце так и колотится в груди. Вместо того чтобы обчищать Серебряных, я должна им прислуживать. Неделию назад Мэра Бэрроу не знала бы, плакать или смеяться, увидев это. «Но она была глупой девчонкой, и я теперь расплачиваюсь за ее ошибки».

– Сэр? – произношу я, приблизившись к старику, который вызвал прислугу, и тут же мысленно ругаю себя. Первое правило: «Ничего не говори». И я уже его нарушила.

Но он как будто не замечает этого и молча, со скупающим выражением лица, протягивает пустой бокал.

– Они с нами играют, Птолемус, – ворчливо говорит он мускулистому молодому человеку, который сидит рядом. Очевидно, это и есть тот бедняга, которому не повезло с именем.

– Демонстрация силы, отец, – отвечает Птолемус, осушая собственный бокал и протягивая его мне.

– Они заставляют нас ждать, просто потому что могут.

«Они» – это члены королевской семьи, которые еще не появились. Очень неловко слушать, как Серебряные обсуждают их в подобном тоне, с глубоким презрением. Мы, Красные, поносим короля и аристократию, если никто не слышит, но я считаю, что это наше право. А эти люди никогда не страдали. Какие у них вообще могут быть проблемы?

Мне хочется постоять и послушать, но даже я понимаю, что это против правил. Я разворачиваюсь и спускаюсь по ступенькам, ведущим из ложи. За яркими цветами скрыт кран: не нужно идти вокруг всей арены, чтобы наполнить бокалы. И тут по саду проносится резкий металлический звук, вроде того, который возвещает начало Боев в Первую Пятницу. Он звучит несколько раз – горделивая мелодия, которая, очевидно, возвещает появление короля. Все представители Высоких домов поднимаются, охотно или нет. Я замечаю, как Птолемус вновь что-то говорит отцу.

Кран, скрытый за цветами, находится на одном уровне с королевской ложей, чуть позади нее. Мэра Бэрроу в нескольких шагах от короля. Что сказала бы моя семья? И Килорн? Этот человек посылает нас на смерть, а я охотно согласилась ему прислуживать. Вот гадость.

Король входит бодрым шагом, расправив плечи. Даже со спины он выглядит гораздо толще, чем на монетах и по телевизору, – и заметно выше. Мундир на нем черно-красный, военного покроя, хотя я сомневаюсь, что его величество провел хоть день в траншеях, где умирают Красные. На груди у короля сверкают медали и ордена – свидетельство подвигов, которые он не совершал. У него даже есть позолоченный меч, несмотря на то что короля окружают многочисленные охранники. Корона тоже выглядит знакомо: она представляет собой переплетение чистого золота и черной стали, и на каждом зубце – изгибающийся язычок пламени. Она как будто горит на фоне угольно-черных волос, испещренных сединой. Очень символично. Ведь наш король сродни топке, как и его отец, и дед и так далее. Могучие, разрушительные владыки тепла и огня. Некогда короли сжигали недовольных одним испепеляющим прикосновением. Нынешний правитель больше не сжигает Красных, но зато по-прежнему истребляет нас войной и бедностью. Его имя я затвердила в детстве, когда сидела в классе, еще не утратив желания учиться. Как будто школа могла мне что-то дать. «Тибериус Калор Шестой, король Норт, Пламя Севера». Полный рот пышных слов. Я плюнула бы на его имя, если бы могла.

За Тибериусом идет королева, кивая толпе. В то время как одежды короля темного цвета и строгого покроя, ее сине-белое платье легко и воздушно. Она кланяется только дому Самсона, и я замечаю, что она носит те же цвета. Очевидно – судя по семейному сходству, – королева их родственница. Такие же пепельные волосы, голубые глаза, острая улыбка, которая делает ее похожей на дикую кошку.

Хотя королевская чета выглядит грозно, это просто пустяки по сравнению с охранниками, которые следуют за ней. Даже я – Красная, рожденная в грязи, – знаю, кто они такие. Всем известно, как выглядит Страж, потому что никто не желает с ним столкнуться. Стражи стоят рядом с королем во время каждого телевизионного обращения к нации, во время торжественных речей и оглашения декретов. Как всегда, на них форма цвета пламени, которая переливается красным и оранжевым. За жуткими черными масками сверкают глаза. У каждого – черная винтовка, увенчанная сияющим серебряным штыком, который способен рассечь кость. Их умения пугают еще сильнее внешности – это элитные Серебряные бойцы, которых тренируют с детства, и они клянутся в пожизненной верности королю и его семье. Одного вида Стражей достаточно, чтобы я содрогнулась. Но Высокие Дома ничуть не боятся.

Где-то в глубине лож раздается крик.

– Смерть Алой Гвардии! – вопит кто-то, и остальные быстро присоединяются.

Меня охватывает холод, когда я вспоминаю события вчерашнего дня, случившиеся совсем неподалеку отсюда. Как быстро толпа превратилась...

Король, очевидно, сердится – он бледнеет, заслышав крики. Он не привык к таким всплескам.

– Алой Гвардии – и всем нашим врагам – скоро придет конец! – гремит Тиберий, и его голос разносится над толпой.

Гости замолкают, словно заслышав щелчок бича.

– Но сегодня мы собрались по другому поводу. Мы чтим традиции, и никакой Алый дьявол этому не помешает. Сейчас состоится Выбор Королевы. Самая талантливая дочь станет женой самого благородного сына. В этом – источник силы, которая объединит Высокие Дома, и власти, которая позволит Серебряным править до конца времен и побеждать врагов на наших рубежах и за их пределами!

– Сила! – рокочет толпа в ответ. Жутко это слышать. – Власть!

– Настало время поддержать былые идеалы. Оба моих сына чтут наши священные традиции.

Он машет рукой, и два молодых человека, выйдя вперед, становятся справа и слева от отца. Я не вижу их лиц, но оба, как и король, высоки и черноволосы. Они также в военной форме.

– Принц Мэйвен, из Дома Калора и Мерандуса, сын моей царственной супруги, королевы Элары.

Один из принцев, более бледный и изящный, поднимает руку в сдержанном приветствии. Он поворачивается налево и направо, и я вижу его лицо. У Мэйвена величественный и строгий вид, хотя ему не больше семнадцати лет. Резкие черты, синие глаза, улыбка, способная заморозить пламя... он презирает этот показной блеск. И я готова с ним согласиться.

– Наследный принц Дома Калора и Джейкоса, сын моей покойной супруги, королевы Корианы, наследник Норты и Пылающей Короны, Тиберий Седьмой.

Мысленно потешаясь над нелепостью этих титулов, я не замечаю, что второй юноша тоже машет и улыбается. Наконец я поднимаю глаза, просто чтобы в будущем иметь возможность сказать, что видела наследника вблизи. Честно говоря, я получаю гораздо больше того, на что рассчитывала.

Стеклянные бокалы вываливаются из моих рук и благополучно падают в воду.

Я узнаю эту улыбку и эти глаза. Они, пылая, смотрели на меня не далее чем прошлой ночью. Он дал мне работу, он спас меня от призыва. И он – Серебряный. Что за ерунда?

Он поворачивается и машет всем вокруг. Ошибиться невозможно.

Наследный принц – это Кэл.

Глава 7

С ощущением пустоты в животе я возвращаюсь на возвышение для слуг. Радость, которую я испытывала недавно, полностью улетучилась. Я не в состоянии обернуться и посмотреть на Кэла, который стоит там в красивой одежде, сплошь в лентах и медалях, с ненавистным величественным видом. Как и у Уолш, у него на груди знак с изображением пылающей короны, только сделан он из темного агата, алмазов и рубинов. Этот знак сверкает на фоне строгой темной ткани. Исчезла унылая одежда, которую Кэл носил вчера, чтобы не выделяться среди крестьян. Теперь он с головы до пят выглядит как будущий король, Серебряный до мозга костей. Подумать только, я ему поверила.

Прочие слуги расступаются, пуская меня в конец очереди. Я чувствую, как голова идет кругом. Кэл дал мне эту работу, спас меня, спас мою семью... и, оказывается, он один из них. Хуже, чем просто один из них. Он принц. Наследный принц. Человек, поглазеть на которого собрались все присутствующие в этой огромной каменной спирали.

– Вы пришли, чтобы почтить моего сына и мое королевство, и я воздаю честь вам, – громко говорит король Тиберий, и мои мысли разлетаются, как стекло.

Он поднимает руки, широким жестом обводя ложи с людьми. Хотя я изо всех сил стараюсь смотреть только на короля, мой взгляд то и дело падает на Кэла. Он улыбается, но его улыбка не достигает глаз.

– Я признаю ваше право на власть. В жилах будущего короля, сына моего сына, заодно с моей будет течь ваша серебряная кровь. Кто тогда бросит ему вызов?

Сереброволосый старец восклицает в ответ:

– Да будет Выбор Королевы!

И весь сад взрывается шумом.

– Да будет Выбор Королевы! – эхом отзываются главы различных Домов, поддерживая обычай, о котором я ничего не знаю.

Тиберий улыбается и кивает.

– Церемония сейчас начнется. Лорд Провос, прошу вас.

Король поворачивается туда, где, очевидно, сидит Дом Провоса. Остальные смотрят в ту же сторону, на семью, облаченную в золотые одежды с черными полосами. Пожилой мужчина, у которого светлые волосы испещрены совершенно белыми прядями, выступает вперед. В своем странном наряде он напоминает осу, готовую ужалить.

Лорд Провос помахивает рукой. И что дальше?

Внезапно платформа кренится, двигаясь вбок. Я невольно подпрыгиваю и чуть не врезаюсь в стоящего рядом слугу. Платформа едет по невидимым рельсам. Сердце у меня подстукает к горлу, когда я вижу, как весь Спиральный сад меняет облик. Лорд Провос – тельки, он направляет разные сектора сада по специально проложенным рельсам исключительно силой мысли.

Вся конструкция движется по его приказу, пока основание сада не превращается в широкий круг. Нижние террасы поднимаются до одного уровня с верхними; вместо спирали передо мной – огромный цилиндр под открытым небом. Основание продолжает опускаться, пока не оказывается метров на шесть ниже первых лож. Фонтаны превращаются в водопады, которые наполняют глубокие узкие водоемы на дне. Наша платформа оказывается чуть выше королевской ложи; отсюда открывается превосходный взгляд на всё, в том числе на пол арены далеко внизу. Меньше чем за минуту лорд Провос превратил Спиральный сад в нечто гораздо более зловещее.

Когда Провос вновь занимает свое место, перемены продолжаются. Раздается гудение электричества, так, что всё вокруг трещит, и у меня встают дыбом волосы на руках. Внизу

вспыхивает фиолетово-белый свет, брызжа из крошечных, невидимых отверстий в камне. Провос управлял механизмами арены, но светом не управляет никто. И я понимаю почему. Это не дело рук Серебряных, а чудо техники, чудо электричества. Молния без грозы. Лучи пересекаются и скрещиваются, сплетаясь в ослепительно-яркую сеть. Смотреть на нее больно глазам, мозг словно пронзают кинжалы. Не понимаю, как остальные это выдерживают.

Серебряные, очевидно, впечатлены – всё, что они не способны контролировать, их интригует. А что касается нас, Красных, то мы в полном восторге раскрываем рты.

Сеть становятся всё ярче, по мере того как растекается электричество. А потом внезапно наступает тишина. Молнии замирают, застыв в воздухе. Получается яркий фиолетовый щит между полом и нами. Между нами и тем, что может появиться там, внизу.

Я лихорадочно перебираю варианты. Для чего нужен щит, состоящий из молний? Не для защиты от медведей, волков и других редких лесных животных. Даже мифические существа – огромные кошки, акулы, драконы – не представляют угрозы для многочисленных Серебряных, сидящих наверху. Да и что зверям делать на Выборе Королевы? Это ведь церемония выбора невесты для принца, а не Бои.

Словно в ответ, земля в кругу со статуями, который теперь стал центром арены, развезается. Не успев ни о чем подумать, я проталкиваюсь вперед, чтобы всё хорошенько разглядеть. Остальные слуги тоже подходят к краю платформы в надежде увидеть, какие ужасы появятся из-под земли.

Из темноты появляется маленькая девочка.

Слышатся приветственные возгласы – клан в коричневых шелках и алых драгоценных камнях приветствует дочь аплодисментами.

– Рор из Дома Рамбоса! – кричат они, представляя ее остальным.

Девочка, которой не больше четырнадцати лет, улыбается родным. Она совсем крошечная по сравнению со статуями, ее тельце как будто способно улететь от сильного дуновения, зато руки у Рор необыкновенно большие. Она поворачивается, стоя в кругу статуй и продолжая улыбаться. Ее взгляд падает на Кэла, то есть на принца; она пытается увлечь его своими оленьими глазами и покручиванием медово-светлой прядки. Короче говоря, вид у девчонки довольно глупый. Ровно до того момента, когда она приближается к массивной каменной статуе и отшибает ей голову одним-единственным ударом.

Дом Рамбоса вновь подает голос:

– Сильнорук.

Малютка Рор, как смертоносный ураган, превращает статуи в столбы пыли и покрывает трещинами землю. Она – словно землетрясение в облике хрупкой девочки, которое разносит на части всё и вся у себя на пути.

Вот в чем смысл церемонии. Очень жестокой, предназначенной для того, чтобы похвастать происхождением и красотой девушки – и, конечно, ее способностями. Это демонстрация силы. «Самая талантливая дочь». Принца надо сочетать с самой могущественной девушкой, чтобы у них родились непобедимые дети. И это продолжается сотни лет.

Я вздрагиваю, представив, какая мощь кроется в мизинце Кэла.

Он вежливо хлопает, когда Рор из Дома Рамбоса перестает крушить всё вокруг и возвращается на платформу подъемника. Дом Рамбоса аплодирует ей, пока она не скрывается под ареной.

Следующей появляется Герон из Дома Велле, дочь нашего губернатора – высокая, с острым лицом. Развороченная земля движется вокруг нее: Герон возвращает арене прежний вид.

– Хранительница земли, – нараспев произносят ее родные.

Герон – зеленая. По ее приказу в мгновение ока вырастают высокие деревья, которые достают верхушками до щита из молний. В тех местах, где его касаются ветки, он искрит, и листья загораются. Следующая девушка, нимфа из Дома Озаноса, берется за дело. Она призы-

вает воду из фонтана и тушит этот небольшой лесной пожар, обрушив на него потоки бурлящей воды. Остаются только обугленные деревья и обожженная земля.

Церемония длится как будто целую вечность. Каждая девушка появляется для того, чтобы показать свои способности, и каждая обнаруживает перед собой разоренную арену, но для них это не помеха. Они разного возраста и внешности, но все ослепительно прекрасны. Одна девочка, не старше двенадцати лет, взрывает всё, к чему прикасается. Просто ходячая бомба.

– Истребитель! – кричат ее родные.

Она уничтожает последние статуи, но щит из молний держится прочно. Он шипит под ее огнем, и от шума у меня болят уши.

Всё, что я вижу и слышу, сливается в моей голове, пока я глазею на нимф, зеленых, быстров, сильноруков, тельки и еще как будто целую сотню видов, которые хвастаются своими способностями по ту сторону щита. То, что мне никогда и не снилось, происходит перед моими глазами: одни девушки превращают собственную кожу в камень, другие крошат стекло криком... Серебряные оказываются могущественней, чем я боялась, – они обладают силой, о существовании которой я даже не подозревала. Они вообще настоящие?

«Я проделала такой путь – и снова оказалась на арене. И снова Серебряные щеголяют всем, чего нет у нас».

Я благоговейно наблюдаю за тем, как анимоза, умеющая повелевать животными, призывает с неба тысячу голубей. Когда птицы вниз головой бросаются на щит из молний и во все стороны разлетаются кровь, перья и брызги смертоносного электричества, мой восторг сменяется отвращением. Щит сыплет искрами, сжигая останки голубей, и снова начинает сиять как новенький. Меня чуть не выворачивает при звуках аплодисментов, под которые бесстрастная анимоза опускается под пол.

Еще одна девушка – надеюсь, последняя – поднимается на арену, на которой буквально всё теперь превращено в пыль.

– Эванжелина из Дома Самоса! – восклицает сереброволосый патриарх.

Его одинокий голос эхом разносится по Спиральному саду.

Со своего выигрышного места я замечаю, что король и королева садятся поправее. Они уже равнодушны к Эванжелине. Кэл, в отличие от них, рассматривает собственные руки.

В то время как другие девушки были одеты в шелковые платья, а некоторые появлялись в странных позолоченных доспехах, на Эванжелине – черный кожаный наряд. Куртка, брюки, сапоги – все утыкано серебром. Нет, не серебром. Железом. Серебро не такое тусклое и твердое. Дом радостно приветствует Эванжелину – все Самосы встали. Эта девушка – родственница сереброволосого патриарха и Птолемуса. Другие семьи тоже весело кричат. Они хотят, чтобы она стала королевой. Эванжелина – явный фаворит. Поднеся два пальца ко лбу, она салютует сначала родным, потом королевской ложе. Они отвечают тем же жестом, откровенно выказывая ей свое предпочтение.

Возможно, Выбор Королевы больше походит на Бои, чем я предполагала. На Боях Серебряные показывают Красным их место; а здесь король делает то же самое в отношении своих подданных, пускай и весьма могущественных. Иерархия внутри иерархии.

Я так увлеклась испытаниями, что чуть не пропустила очередной вызов слуги. Прежде чем кто-либо успевает подтолкнуть меня в нужную сторону, я направляюсь к правой ложе, краем уха слыша, как в тишине глава Дома Самоса произносит: «Магнетрон».

Понятия не имею, что это значит.

По узким коридорам, которые недавно были садовыми дорожками, я направляюсь к Серебряным, которые нуждаются в услугах. Их ложа – в самом низу, но у меня проворные ноги, и я спускаюсь быстро. Там сидит необыкновенно толстое семейство в желтом шелке и ярких перьях. Они наслаждаются огромным тортом. По всей ложе стоят тарелки и пустые чашки,

и я ловкими опытными руками принимаюсь собирать их. На ревушем экране – Эванжелина, которая преспокойно стоит на арене.

– Ну и фарс, – ворчит, обжираясь, одна из этих толстых желтых птиц. – Девчонка из Дома Самоса уже победила.

«Странно. По-моему, она самая слабая».

Я складываю тарелки, не сводя глаз с экрана. Эванжелина бродит по покрытому пылью полу арены. Нет ничего, с чем она могла бы работать, показать, на что она способна, но, кажется, ее это не смущает. Улыбка Эванжелины ужасна. Как будто она абсолютно уверена в собственном великолепии. Но лично мне она совсем не кажется великолепной.

А потом железные заклепки у нее на куртке начинают шевелиться. Они повисают в воздухе, похожие на круглые маленькие пули, а потом, как выпущенные из ружья, несутся по арене и вонзаются в землю, в стены, даже в электрический щит.

Эванжелина умеет управлять металлом.

Несколько лож аплодируют ей, но она еще далеко не закончила. До нас эхом доносятся лязг и стоны откуда-то из недр механизма. Даже толстое семейство перестает есть и с тревогой оглядывается по сторонам. Они все смущены и заинтригованы. В глубине, под ногами, я ощущаю вибрацию. И понимаю, что пора бояться.

С оглушительным шумом железные трубы откуда-то снизу пробиваются сквозь пол на арене. Они пронзают стены и заключают Эванжелину в клетку из серо-серебристого металла. Она как будто смеется, но оглушительный скрежет заглушает ее голос. Сверху сыплются искры, и она защищает себя куском железа, не моргнув и глазом. Наконец она с ужасным грохотом обрушивает трубы наземь и обращает взгляд кверху, к ложам. Рот у нее широко открыт, так что видны острые мелкие зубы. У этой девушки ненасытный вид.

Процесс начинается медленно – сначала ложа слегка пошатывается, а потом кренится. Тарелки с треском летят на пол, стеклянные кубки катятся к ограждению и сыплются вниз, разлетаясь вдребезги на электрическом щите. Эванжелина двигает нашу ложу к себе, гнет ее, заставляя нас шататься. Серебряные вокруг взвизгивают и цепляются за что попало, аплодисменты сменяются паникой. И они не единственные – все ложи в нашем ряду движутся. Эванжелина управляет ими снизу, сосредоточенно нахмутив лоб. Как боец на арене, она хочет показать миру, чего стоит.

Я едва успеваю об этом подумать, когда желтый шар из кожи и перьев врезается в меня и перебрасывает через перила вместе с остатками посуды.

Падая, я вижу только фиолетовые лучи – щит молний стремительно приближается. Он шипит электричеством, опаливая воздух. Я едва успеваю понять, что случилось, но одно несомненно: это покрытое прожилками фиолетовое стекло изжарит меня заживо – я сгорю вместе со своей красной ливреей. Держу пари, Серебряных беспокоит только необходимость ждать, когда кто-нибудь уберет мои останки.

Я ударяюсь головой о щит и вижу звезды. Нет, не звезды. Искры. Щит делает свое дело – он пронзает меня электрическими разрядами. Ливрея чернеет и дымится, и я ожидаю, что с моей кожей сейчас произойдет то же самое. «Мое тело будет чудесно пахнуть». Но, как ни странно, я ничего не ощущаю. «Наверное, мне так больно, что я ничего не чувствую».

Нет... чувствую. Жар искр, которые пробегают вверх и вниз по моему телу, воспаляя каждый нерв. Впрочем, это не больно. На самом деле я... словно оживаю. Как будто много лет я была слепой, а теперь открыла глаза. Что-то движется у меня под кожей, но это не искры. Я смотрю на свои руки и с удивлением вижу молнию, которая перескакивает через меня. Одежда чернеет и сгорает, а кожа остается нетронутой. Щит по-прежнему пытается убить меня, но не может.

Что-то здесь не так.

Я ЖИВАЯ.

Щит выпускает черный дым и начинает трескаться. Искры становятся ярче и злее, но в то же время слабеют. Я пытаюсь подняться, встать на ноги, но щит проламывается подо мной, и я снова падаю и качусь по полу.

Каким-то чудом я умудрилась приземлиться в кучу пыли, а не на зазубренное железо. Покрытая синяками, слабая, но целая и невредимая. Моей униформе повезло меньше – она превратилась в обгорелые лохмотья, которые едва держатся на плечах.

Я с трудом поднимаюсь на ноги, чувствуя, как одежда сваливается с меня клочьями. Спиральный сад оглашается удивленными возгласами и бормотанием. Все взгляды устремлены на обгорелую Красную девушку. Человек-громоотвод.

Эванжелина тоже смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Она сердита, смущена – и, кажется, напугана.

Она боится. С ума сойти, она боится.

– Привет, – неуклюже говорю я.

Эванжелина отвечает вихрем металлических осколков – они все остры и смертоносны, все направлены мне в сердце. Они со свистом рассекают воздух.

Не успев ни о чем подумать, я вскидываю руки, чтобы защититься хотя бы от самых опасных. Но вместо того чтобы ощутить боль от десятков зазубренных лезвий, вонзившихся в ладони, я чувствую нечто иное. Как минуту назад, мои нервы вновь начинают петь, оживленные каким-то внутренним огнем. Он движется во мне, в моей голове, под кожей, пока я не становлюсь чем-то большим. Потом он вырывается из меня. Чистая энергия и сила.

Поток света – нет, молния! – вырывается из моих рук и пробивает металл. Осколки скрежещут и дымятся, разлетаясь от жара. Не причинив мне вреда, они падают наземь, а молния ударяет в дальнюю стену. Она оставляет дымящуюся дыру диаметром в метр и чуть не попадает в Эванжелину.

От потрясения у нее отвисает челюсть. Не сомневаюсь, я выгляжу точно так же, когда разглядываю собственные руки, пытаюсь понять, что же такое со мной случилось. Высоко над нами сотня самых влиятельных Серебряных думает о том же самом. Я поднимаю глаза и вижу, что все они уставились на меня.

Даже король перегибается через край ложи. Его пламенеющая корона четко вырисовывается на фоне неба. Кэл сидит рядом с отцом и смотрит на меня широко открытыми глазами.

– Стражи.

Голос короля остер как бритва и полон угрозы. Внезапно почти во всех ложах вспыхивают красно-оранжевые мундиры Стражей. Элитная гвардия ждет следующего слова, следующего приказа.

Я хорошая воровка: я знаю, когда пора бежать. И сейчас именно такой момент.

Прежде чем король успевает заговорить, я срываюсь с места, отталкиваю ошеломленную Эванжелину и прыгаю ногами вперед в открытый люк в полу арены.

– Держите ее! – эхом доносится до меня, когда я лечу в полумрак подземного помещения.

Разбросанные Эванжелиной куски металла пробили дыры в потолке, и сквозь них виден Спиральный сад. К моей огромной досаде, он весь как будто кровоточит: Стражи в своих ярких мундирах сыплются из лож и все устремляются ко мне.

Некогда думать. Надо бежать.

К помещению, ведущему на арену, примыкает пустой темный коридор. Квадратные черные камеры следят за мной, пока я несусь со всех ног. Сворачиваю в другой коридор, потом в третий. Я чувствую погоню – я тоже охотник, как и Стражи, которые где-то неподалеку. «Беги, – твердит внутренний голос. – Беги, беги, беги».

Нужно найти дверь, окно, хоть что-то, что поможет мне сориентироваться. Если я выберусь наружу, например на рынок, у меня появится шанс спастись. Может быть.

Первая лестница, которую я обнаруживаю, ведет в длинный зал с зеркальными стенами. Но камеры есть и тут – они торчат на потолке и по углам, как огромные черные жуки.

Над моей головой грохочет выстрел, вынуждая меня броситься на пол. Двое Стражей, в мундирах цвета пламени, проламываются сквозь зеркало и бегут ко мне. «Они не особо отличаются от обычной охраны, – внушаю я себе. – Просто неуклюжие вояки, которые тебя не знают. Они понятия не имеют, на что ты способна».

Я и сама не знаю, на что способна.

Они ожидают, что я побегу, но я поступаю как раз наоборот – бросаюсь навстречу. Ружья у них большие и мощные, но громоздкие. Прежде чем они успевают открыть огонь, или атаковать меня штыками, или сделать то и другое сразу, я бросаюсь на колени и скольжу по гладкому мраморному полу, проезжая между двух рослых Стражей. Один из них яростно кричит, и от его голоса еще одно зеркало превращается в вихрь стекла. Прежде чем они успевают развернуться, я вновь пускаюсь бежать.

Я наконец нахожу окно, но толку от него никакого. Передо мной гигантское алмазное стекло, а за ним – огромный лес. Он совсем близко, на той стороне... за непроницаемой стеной.

«Ладно, руки, пора вам повторить тот фокус». Разумеется, ничего не происходит. Когда мне надо, ничего не происходит.

Порыв жара застает меня врасплох. Я поворачиваюсь, вижу приближающуюся красно-оранжевую стену и понимаю: Стражи близко. Но эта стена горячая, переливающаяся, очень плотная.

Огонь. Он движется прямо ко мне.

Слабым голосом, в котором звучит отчаяние, я смеюсь.

– Ну, здорово...

Я разворачиваюсь, чтобы бежать, и тут же сталкиваюсь с чем-то обтянутым черной тканью. Сильные руки обхватывают меня и удерживают на месте, хоть я и пытаюсь вывернуться. «Ударь его, сожги!» – кричу я мысленно. Но ничего не происходит. Чудо не спасет меня во второй раз.

Жар нарастает, угрожая выдавить воздух из легких. Молнию я сегодня пережила, но тягаться с огнем не готова.

Впрочем, убьет меня дым. Черный, густой, слишком насыщенный. Я задыхаюсь. Перед глазами всё плывет, веки тяжелеют. Я слышу шаги, крики, рев огня – и мир заволакивает темнота.

– Прости, – произносит голос Кэла.

По-моему, я сплю.

Глава 8

Я стою на крыльце и смотрю, как мама прощается с Бри. Она плачет и крепко прижимает сына к себе, глядя его свежестриженные волосы. Шейд и Трами стоят рядом, готовые подхватить маму, если ей откажут ноги. Я знаю – они тоже хотят заплакать, глядя, как уходит их старший брат, но ради мамы парни крепятся. Папа, сидя рядом со мной, молчит – он довольствуется тем, что гневно смотрит на легионера. Даже в своих доспехах из сияющих пластин и пуленепробиваемой ткани тот кажется маленьким по сравнению с моим братом. Бри мог бы сожрать его живьем. Но он подчиняется, когда легионер хватается за руку и отрывает от нас. Тень следует за ним на зловещих черных крыльях. Мир вращается, и я падаю.

Прошел год. Мои ноги вязнут в хлюпающей грязи у дома. Теперь мама цепляется за Трами, умоляя легионера. Шейду приходится оттащить ее. Гиза где-то плачет по любимому брату. Мы с папой молчим, не желая лить слезы зря. Тень возвращается и на сей раз кружит вокруг меня, заслоняя небо и солнце. Я зажмуриваюсь, надеясь, что она отвяжется.

Когда я открываю глаза вновь, Шейд обнимает меня, крепко прижимая к себе. Он еще не остриг волосы, и каштановые пряди, длиной до подбородка, щекоют мне макушку. Прижимаясь к его груди, я вздрагиваю. Ухо у меня болит, и, отстранившись, я замечаю на рубашке брата несколько капель крови. Мы с Гизой в очередной раз прокололи уши и вдели в них крошечный подарок Шейда. Наверное, я что-то сделала неправильно – ведь я всё делаю неправильно. На сей раз я ощущаю тень раньше, чем вижу ее. Кажется, она злится.

Она протаскивает меня сквозь все воспоминания. Эти раны еще не затянулись. Некоторые из них – не воспоминания, а сны. Нет, кошмары. Мои худшие кошмары.

Возникает новая картинка – сумрачный пейзаж, полный дыма и пепла. Это Чок. Я никогда не бывала там, но слышала достаточно, чтобы вообразить его. Земля вокруг плоская, покрытая воронками от тысяч бомб. Солдаты в грязной алой форме жмутся друг к другу. Они похожи на кровь, которая заливает рану. Я плыву между ними и вглядываюсь в лица, ища братьев, которые потерялись в дыму и вихре шрапнели.

Первым появляется Бри, стоя в грязной луже, он борется с Озерным солдатом в синей форме. Я хочу помочь ему, но продолжаю лететь и теряю его из виду. Потом возникает Трами – он наклоняется над раненым, пытаясь остановить кровотечение. Его нежные черты, так похожие на лицо Гизы, искажены мукой. Я никогда не забуду вопли боли и отчаяния. Но ему, как и Бри, я тоже не могу помочь.

Шейд – в первом ряду, дальше, чем самые смелые бойцы. Он стоит на вершине холма, не обращая внимания на бомбы и ружья Озерной армии, которая ждет на другой стороне. У него даже хватается дерзости улыбнуться мне. Я могу лишь наблюдать, как земля у Шейда под ногами взрывается и мой брат превращается в облако дыма и пепла.

– Хватит! – выкрикиваю я и протягиваю руки к дымовому столбу, который совсем недавно был моим братом.

Пепел обретает форму, снова превращаясь в тень. Она окутывает меня мраком и вновь погружает в воспоминания. Папа, который возвращается домой полуживым. Грядущий призыв Килорна. Сломанная рука Гизы. Всё это сливается, превращаясь в мешанину нестерпимо ярких красок, от которых больно глазам. «Что-то тут не так». Воспоминания движутся в прошлое, как будто я прокручиваю собственную жизнь задом наперед. Вот те события, которые я никак не могу помнить: я учусь говорить, ходить, братья передают меня с рук на руки, а мама сердится...

Это невозможно.

– Невозможно, – говорит тень.

Голос такой резкий, что у меня, кажется, сейчас расколется череп. Я падаю на колени, ударившись о бетон.

И тут они все пропадают. Мои братья, родители, сестра, мои воспоминания, мои кошмары... их больше нет. Вокруг – бетон и стальные прутья. Это клетка.

Я с трудом поднимаюсь на ноги, одной рукой держась за ноющую голову. Постепенно всё вокруг обретает ясность. Из-за прутьев на меня смотрит женщина. На голове у нее сверкает корона.

– Я бы поклонилась, но, боюсь, упаду, – говорю я королеве Эларе и немедленно жалею о своих словах.

Она же Серебряная, к ней нельзя обращаться таким тоном. Она может посадить меня в колодки, лишит рацион, накажет всю мою семью. «Нет, – думаю я, чувствуя, как растет ужас. – Она королева. Она может просто убить меня. Убить нас всех».

Но Элара, кажется, не обиделась. Она вдруг усмехается. Встретившись с ней взглядом, я ощущаю дурноту... и складываюсь пополам.

– Все-таки поклонилась, – мурлычет она, наслаждаясь моей болью.

Сдерживая тошноту, я протягиваю руку, чтобы схватиться за решетку. Мои пальцы цепляются за холодное железо.

– Что вы со мной делаете?

– В общем, ничего. Но... – Она протягивает руку через прутья и касается моего виска. Боль под ее пальцем усиливается, и я валяюсь на решетку, едва не теряя сознание. – Это чтобы ты не вздумала сделать какую-нибудь глупость.

Глаза щиплет от слез, но я их смахиваю.

– Типа, встать на ноги? – отрывисто спрашиваю я.

От боли я почти потеряла способность думать, не говоря уж о том, чтобы вести себя вежливо, но тем не менее мне удается сдержать поток ругательств. «Ради всего святого, Мэра Бэрроу, придержи язык».

– Типа, ударить кого-нибудь током.

Боль отступает, и мне удается доползти до металлической скамейки. Когда я прижимаюсь головой к холодной каменной стене, до меня доходят слова королевы. «Ударить током».

В моей голове разрозненными кусочками мелькает воспоминание. Эвангелина, щит из молний, искры – и я. «Это невозможно».

– Ты не Серебряная. Твои родители – Красные, ты – Красная, и у тебя красная кровь, – бормочет королева, расхаживая по ту сторону решетки. – Ты – чудо, Мэра Бэрроу. Нечто невероятное. Я даже не могу себе это представить... ведь я видела вас всех.

– Так это были вы? – чуть не вскрикиваю я и вновь обхватываю голову руками. – Вы проникли в мое сознание? В мои воспоминания? И кошмары?

– Если хочешь узнать человека, выясни, чего он боится. – Королева подмигивает мне, как глупому ребенку. – А я должна была понять, с чем мы имеем дело.

– Я не «что».

– Мы это еще увидим. Но в первую очередь будь мне благодарна, девочка-молния, – насмешливо говорит она, прижимаясь лицом к решетке.

И внезапно у меня отнимаются ноги – я перестаю их ощущать, как будто они онемели. Как будто меня парализовало. В моей груди нарастает паника, когда я понимаю, что не в состоянии даже пошевелить пальцами. Наверное, именно так чувствует себя папа, сломленный и бесполезный. Но каким-то образом я поднимаюсь на ноги – они движутся сами собой и шагают к решетке. Королева, стоя за ней, смотрит на меня и моргает в такт моим шагам.

«Она – шепот, и она играет со мной». Когда я подхожу ближе, королева обхватывает мое лицо ладонями. Боль в голове усиливается, и я кричу. Сейчас я отдала бы что угодно за простой и понятный призыв в армию.

– Ты сделала это в присутствии сотен Серебряных – людей, которые будут задавать вопросы. Людей, которые обладают силой, – шипит королева мне на ухо, и я ощущаю ее болезненно сладкое дыхание. – Это единственная причина, по которой ты еще жива.

Я сжимаю кулаки и вновь мечтаю о молнии, но ничего не получается. Королева понимает, что я пытаюсь сделать, и громко смеется. В глазах у меня вспыхивают звезды, мир заволакивает тьма, но я слышу, как Элара уходит, шелестя шелком. Зрение возвращается как раз вовремя, чтобы я успела увидеть, как ее платье исчезает за углом. Я остаюсь одна-одинешенька в камере – и едва добираюсь до скамьи, подавляя позыв к рвоте.

На меня волнами накатывает изнеможение, начинаясь в мышцах и проникая в кости. Я всего лишь человек, а людям не под силу переживать такое. Внезапно я осознаю, что мое запястье пусто. Красной ленты нет, ее забрали. Что это значит? Мои глаза горят от слез, которые грозят пролиться, но я не стану плакать. У меня еще осталась гордость.

Я могу побороть слезы, но не вопросы. И не сомнение, которое растет в моей душе.

«Что со мной происходит?»

«Что я такое?»

Я открываю глаза и вижу сотрудника безопасности, который смотрит на меня из-за решетки. Серебряные пуговицы униформы блестят в тусклом свете, но это пустяки по сравнению с сиянием, которое исходит от его лысой головы.

– Сообщите моим родным, где я, – выпаливаю я, садясь.

«По крайней мере, я успела сказать, что люблю их», – думаю я, вспоминая наше прощание.

– Я обязан сделать только одно: отвести тебя наверх, – говорит он, но не особенно грубо. Этот офицер – воплощенное спокойствие. – Переоденься.

Я вдруг понимаю, что с меня по-прежнему свисают обгорелые лохмотья. Сотрудник безопасности указывает на аккуратную стопку одежды, сложенную возле решетки. Он поворачивается спиной, предоставляя мне некоторое подобие уединения.

Одежда простая, но довольно красивая, гораздо мягче той, что я ношу обычно. Белая рубашка с длинными рукавами, черные брюки, то и другое украшено одной-единственной продольной серебряной полосой. Обувь тоже есть – черные начищенные сапоги высотой до колена. К моему удивлению, во всей одежде нет ни одной красной нитки. Понятия не имею почему. Какая я все-таки невежественная.

– Ну ладно, – ворчу я, натягивая второй сапог.

Охранник поворачивается. Я не слышу бряцанья ключей, но, впрочем, не вижу и замка. Понятия не имею, как он намерен выпустить меня из камеры, если двери нет.

Но вместо того чтобы открыть некий потайной проход, он делает короткое движение рукой, и металлические прутья изгибаются. Разумеется. Мой тюремщик...

– Да, магнетрон, – произносит он, шевеля пальцами. – Если вдруг тебе интересно, та девушка, которую ты чуть не изжарила, – моя двоюродная сестра.

Я чуть не задыхаюсь. Что ему сказать?

– Извините.

Это звучит как вопрос.

– Лучше извинись за то, что промахнулась, – отзывается он без тени юмора. – Эванжелина та еще стервоза.

– Семейная черта?

Язык у меня опережает рассудок, и я хватаю ртом воздух, поняв, что ляпнула.

Но он не обрушивает на меня никакой кары за то, что я говорю непопуганные вещи, хотя имеет на то полное право. Вместо этого лицо охранника вздрагивает в легчайшей улыбке.

– Скоро поймешь, – говорит он, и его черные глаза слегка смягчаются. – Меня зовут Лукас Самос. Следуй за мной.

Не нужно спрашивать, чтобы понять: другого выбора нет.

Он выводит меня из камеры, и мы поднимаемся по винтовой лестнице. Там нас ждет как минимум десяток сотрудников безопасности. Без единого слова, отработанными движениями, они окружают меня и заставляют идти дальше. Лукас держится рядом, шагая в ногу с остальными. Что-то подсказывает: эти люди здесь не для того, чтобы обеспечить сохранность мне, а для того, чтобы защитить других.

Когда мы достигаем более роскошных верхних ярусов, стеклянные стены сменяются черными. «Окрашены», – говорю я себе, вспомнив слова Гизы. Алмазное стекло можно при желании сделать темным, чтобы скрыть то, что не должно быть видно непосвященным. Вероятно, я попадаю в эту категорию.

Я внезапно понимаю, что цвет стекла меняет не какой-то механизм, а рыжеволосая женщина-охранник. Она машет рукой возле каждой стены, мимо которой мы проходим, и таящая в ней сила истребляет свет, заволакивая стекло легкой дымкой.

– Это тень – искажитель света, – шепотом говорит Лукас, заметив мое удивление.

Здесь тоже полно видеокамер. По мне ползут мурашки, когда я ощущаю их взгляд, пронизывающий до костей. В норме голова у меня раскалывалась бы от тяжести электричества, но почему-то сейчас она не болит. Тот электрический щит каким-то образом повлиял на меня. А может быть, высвободил нечто, какую-то часть меня, долго находившуюся под спудом. «Кто я такая?» – эхом звучит в моей голове, еще грозней, чем прежде.

Только когда мы минуем огромные двери, давление электричества спадает. «Здесь меня не видно». Комната за этими дверями так велика, что в ней может поместиться десять домов вроде нашего вместе со сваями. И прямо напротив входа, устремив на меня гневный взгляд, на троне из алмазного стекла сидит король. За спиной у него – окно, полное дневного, быстро меркнувшего света.

Возможно, я больше никогда не увижу солнца.

Лукас и остальные охранники вводят меня в зал, но не задерживаются. Мельком оглянувшись через плечо, Лукас уводит за собой остальных.

Король сидит передо мной, королева стоит слева от него, принцы справа. Я стараюсь не смотреть на Кэла, но чувствую, что он пялится на меня. Я не свожу сосредоточенного взгляда с новых сапог, чтобы не выдавать страха, который наполняет мое тело свинцом.

– Ты преклонишь колени, – негромко произносит королева мягким, как бархат, голосом.

Я должна преклонить колени, но гордость мне не позволяет. Даже здесь, в присутствии Серебряных, в присутствии короля, мои колени не гнутся.

– Нет, – отвечаю я и нахожу в себе силы поднять голову.

– Тебе понравилась твоя камера, девочка? – спрашивает Тиберий, и его величественный голос наполняет зал.

Угроза ясна как день, но я остаюсь стоять. Король склоняет голову набок, как будто я – любопытный экспонат.

– Чего вы хотите от меня? – с трудом выговариваю я.

Королева наклоняется к мужу.

– Я же сказала тебе, она – Красная до мозга костей...

Но король отмахивается от жены, как от мухи. Она поджимает губы и выпрямляется, крепко сжав руки. «И поделом ей».

– Что я хочу – в отношении тебя невозможно, – огрызается Тиберий.

Глаза у него вспыхивают, словно он пытается испепелить меня взглядом.

Я вспоминаю слова королевы.

– Ну а я не жалею, что меня нельзя убить.

Король усмехается.

– Мне не сказали, что ты сообразительна.

Меня охватывает облегчение – словно прохладный ветер проносится в лесу. Я не умру здесь и сейчас.

Король бросает на стол стопку густо исписанной бумаги. На верхнем листе – обычная информация, в том числе мое имя, дата рождения, сведения о родителях и маленькое коричневое пятнышко (кровь). Там и моя фотография, точно такая же, как на удостоверении личности. Скучающие глаза человека, который устал ждать очереди к фотографу. Как бы мне хотелось впрыгнуть на эту фотографию, снова стать девушкой, чьи единственные проблемы – призыв и пустой желудок.

– Мэра Молли Бэрроу родилась семнадцатого ноября триста второго года Новой эры. Родители – Дэниэл и Руфь Бэрроу, – по памяти цитирует Тиберий, выкладывая передо мной всю мою жизнь. – Ты нигде не работаешь, и по достижении восемнадцатилетия тебя ждет призыв. Школу посещаешь редко, отметки у тебя плохие, и за тобой числятся правонарушения, за которые в большинстве крупных городов ты угодила бы в тюрьму. Воровство, контрабанда, сопротивление при аресте – и это еще не всё. Иными словами, ты – нищая, невоспитанная, безнравственная, невежественная, злобная, упрямая девчонка, приносящая вред своей деревне и всему королевству.

Его откровенная речь так потрясает меня, что я не сразу понимаю ее смысл, а когда понимаю, то не спорю. Он абсолютно прав.

– И все-таки... – продолжает король, поднимаясь. С такого близкого расстояния видно, что зубцы его короны смертоносно остры. Ими можно убить. – И все-таки ты – нечто большее. Нечто, что я не могу постичь. Ты одновременно – Красная и Серебряная, странное существо с опасными последствиями, которых сама не понимаешь. И что я должен с тобой делать?

«Он спрашивает моего мнения?»

– Отпустите меня. Я никому ничего не скажу.

Королева издает резкий смех.

– А Высокие Дома? Они тоже будут молчать? Разве они забудут девочку-молнию в красной ливрее?

Нет. Никто не забудет.

– Ты слышал мой совет, Тиберий, – добавляет королева, глядя на мужа. – Это решит обе наши проблемы.

Совет Элара, очевидно, не сулит мне ничего хорошего, потому что Кэл стискивает кулак. Это движение привлекает мой взгляд, и я наконец поднимаю голову. Он держится спокойно и мужественно – несомненно, его к этому приучили, – однако в глазах у Кэла пылает огонь. На мгновение наши взгляды встречаются, но я отвожу глаза прежде, чем успеваю сломиться, окликнуть его и попросить о помощи.

– Да, Элара, – отвечает король, кивнув жене. – Мы не можем убить тебя, Мэра Бэрроу.

«Пока не можем», – повисает в воздухе.

– Поэтому тебе придется жить там, где мы сможем наблюдать за тобой, защищать тебя и пытаться постичь.

У Тиберия сверкают глаза, и я чувствую себя блюдом, поданным на стол.

– Отец! – восклицает Кэл, но младший принц – более бледный и хрупкий – хватает брата за руку и удерживает от дальнейших возражений. Кэл успокаивается и отступает.

Тиберий продолжает, не обращая внимания на сына:

– Ты больше не Мэра Бэрроу, Красная девушка из деревни Подпоры.

– А кто же? – спрашиваю я, и мой голос дрожит от страха, когда я представляю все те ужасные вещи, которые могут со мной случиться.

– Твоим отцом был Этан Титанос, генерал Железного легиона. Он погиб, когда ты была совсем крошкой. Некий солдат – Красный – забрал тебя и вырастил в грязи, не сказав тебе, кто твои настоящие родители. Ты выросла, считая себя ничтожеством, но теперь, благодаря счастливой случайности, вернулась на законное место. Ты – Серебряная из прервавшегося высокого рода, благородная девушка, обладающая огромной силой, и в будущем – принцесса Норты.

Хоть я и стараюсь, но не могу сдержать удивленный вскрик.

– Серебряная... принцесса?

Глаза выдают меня – я бросаю взгляд на Кэла. «Принцесса должна выйти за принца».

– Ты выйдешь за моего сына Мэйвена. Без возражений.

Клянусь, я слышу, как моя челюсть стучится об пол. У меня вырывается вскрик, полный отчаяния и шока; я пытаюсь подобрать слова, но, честное слово, теряю дар речи. Стоящий передо мной младший принц, кажется, растерялся ничуть не меньше – он начинает что-то говорить, быстро, бессвязно и громко. На сей раз наступает очередь старшего брата: Кэл успокаивает Мэйвена, не сводя глаз с меня.

Юный принц наконец овладевает собой.

– Я не понимаю! – выпаливает он, отбрасывая руку Кэла, и быстро устремляется к отцу. – Она же... Почему?

В норме мне бы стало обидно, но сейчас я вполне согласна с принцем.

– Тихо, – резко говорит королева. – Ты подчинишься.

Он гневно смотрит на нее, хотя каждой клеточкой своего тела юноша бунтует. Но лицо матери ожесточается, и принц отступает. Он знаком с яростью и силой Элара так же хорошо, как и я.

Мой голос слаб, еле слышен.

– Это как-то... слишком.

Нет другого способа описать происходящее.

– Неужели вы хотите сделать меня знатной дамой... и даже принцессой?

На лице Тиберия появляется мрачная усмешка. Как и у королевы, зубы у него ослепительно-белые.

– О, хочу, моя милая. Впервые в твоей маленькой никчемной жизни появилась цель.

Его насмешливые слова сродни пощечине.

– Что мы имеем? Очень несвоевременное восстание, террористические группы, борцы за свободу, ну или как там называют себя эти идиоты, которые взрывают наши дома во имя равенства...

– Алая Гвардия.

Фарли. Шейд. Как только это название всплывает у меня в голове, я молюсь, чтобы королева Элара в нее не влезла.

– Они взорвали несколько зданий...

– Да, в столице, – договаривает король и жмет плечами.

Годы, проведенные в тени, многому меня научили. В том числе – как выглядит обманщик. Я убеждаюсь, что король врет, когда он вновь наигранно пожимает плечами. Он старается придать себе небрежный вид, но не очень-то получается. Почему-то он боится Фарли и Алой Гвардии. Дело в чем-то большем, чем пара бомб.

– Ты – продолжает король, подавшись вперед, – ты поможешь нам сделать так, чтобы это прекратилось раз и навсегда.

Я бы громко рассмеялась, если бы мне не было так страшно.

– Выйдя замуж за... простите, как вас зовут?

Щеки у младшего принца белеют – очевидно, у Серебряных так выглядит румянец. В конце концов, у них и кровь серебряная.

– Меня зовут Мэйвен, – отвечает принц мягко и негромко.

Как у Кэла, как у короля, волосы у него черные и блестящие, но на этом сходство заканчивается. Кэл и Тиберий широкоплечи и мускулисты, а Мэйвен изящен, с глазами цвета чистой воды.

– И я по-прежнему не понимаю...

– Отец пытается сказать, что для нас она представляет собой потенциал, – вмешивается Кэл. В отличие от Мэйвена, он говорит властно и уверенно. Это голос короля. – Если Красные увидят ее, принятую нами – Серебряную по крови, но Красную по воспитанию – они, возможно, угомонятся. Как в сказке – крестьянка становится принцессой. Она будет представлять нужды Красных. Чтобы они смотрели на нее, а не на террористов.

Чуть тише, но гораздо значительнее он добавляет: – Она отвлечет внимание.

Но это не сказка, даже не сон, это кошмар. Меня запрут здесь до конца жизни и вынудят стать другим человеком. Стать серебряной, марионеткой, актрисой, которая должна успокоить людей, сделать их тихими и покорными.

– Если всё пройдет гладко, Высокие Дома тоже успокоятся. Ты – пропавшая дочь героя. Мы оказываем тебе честь, которой ты достойна.

Я устремляю на него глаза, полные немой мольбы. Один раз он мне уже помог; возможно, ему под силу это и сейчас. Но Кэл медленно наклоняет голову сбоку набок. «Нет». Здесь он ничего не в состоянии поделать.

– Это не просьба, леди Титанос, – говорит Тиберий. Он называет меня моим новым именем, новым титулом. – Вы согласитесь – и сделаете всё, что велено.

Королева Элара обращает на меня свои бледные глаза.

– Ты будешь жить здесь, как положено по традиции невесте принца. Я составлю расписание на каждый день. Тебя обучат всему возможному и необходимому, чтобы придать тебе... – она ищет подходящее слово, прикусив губу, – пристойный вид.

Я не желаю знать, что это означает.

– За тобой будут внимательно наблюдать. С этого дня ты живешь на лезвии ножа. Один неверный шаг, одно неверное слово – и ты поплатишься.

Мне становится тяжело дышать, словно я чувствую на себе цепи, которыми обвивают меня король и королева.

– А как же моя жизнь?

– Какая жизнь? – восклицает Элара. – Девочка, ты попала в сказку!

Кэл на мгновение закрывает глаза, как будто от смеха королевы ему делается больно.

– Она имеет в виду свою семью. У Мэры... у этой девушки есть родные.

Гиза, мама, папа, братья, Килорн... у меня отнимают всё.

– Ах, это, – фыркает король и плюхается обратно в кресло. – Мы выплатим им компенсацию, чтоб молчали.

– Я хочу, чтоб моих братьев вернули с фронта.

В кои-то веки, кажется, я поступила правильно.

– И чтобы не призывали моего друга, Килорна Уоррена.

Тиберий отвечает мгновенно. Несколько Красных солдат для него ничего не значат.

– Решено.

Впрочем, это не похоже на помилование. Скорее, на смертный приговор.

Глава 9

Леди Мэриэна Титанос, дочь леди Норы Нолле Титанос и лорда Этана Титаноса, генерала Железного легиона. Наследница Дома Титаноса. Мэриэна Титанос. Титанос.

Новое имя эхом отдается в моих ушах, пока Красные горничные готовят меня к предстоящему ужасу. Три девушки работают быстро и слаженно, не обмениваясь ни единым словом. Мне они тоже не задают вопросов, хотя, несомненно, им очень хочется. «Ничего не говори». – Я это помню. Прислуге не позволено заговаривать со мной и уж тем более обсуждать меня друг с другом. Даже несмотря на те странности – Красные странности, – которые они, разумеется, замечают.

Они долго и мучительно пытаются сделать меня «пристойной» – моют, причесывают, раскрашивают, превращая в нелепое существо, которым я должна стать. Самое неприятное – это макияж, особенно густой слой белой пасты, которую наносят на кожу. Горничные изводят три баночки, покрывая лицо, шею, ключицы и руки блестящим влажным порошком. В зеркале это выглядит так, словно из меня высосали все тепло, словно пудра впитала жар моего тела. Удивленно ахнув, я понимаю: они постарались скрыть мой естественный румянец, знак того, что в моих жилах струится красная кровь. Я притворяюсь Серебряной – и когда служанки заканчивают процесс, выгляжу я как надо. Со свежеевыбеленной кожей, подведенными глазами и темными губами я кажусь холодной и жестокой... живая бритва. Теперь я похожа на Серебряную. Я красива.

И мне это не нравится.

«Сколько продлится помолвка с принцем?» Сама мысль кажется безумной. «Это и есть безумие. Никакой Серебряный в здравом уме на тебе не женится, тем более принц Нурты. Ни для того, чтобы усмирить восстание, ни для того, чтобы скрыть твое подлинное происхождение, ни для чего. Так почему же это произошло?»

Пока горничные втискивают меня в платье, я чувствую себя покойником, которого одевают к похоронам. Я понимаю, что недалеко от истины. Красные девушки не выходят за Серебряных принцев. Я никогда не буду носить корону или сидеть на троне. Что-нибудь произойдет. Например, несчастный случай. Ложь вознесет меня – и в один прекрасный день погубит.

Платье – темно-фиолетовое, с серебряными брызгами – сшито из шелка и прозрачных кружев. Я вспоминаю, что у каждого дома свой цвет. В моей памяти возникает радужное собрание в саду. Значит, цвет Дома Титаноса – и мой цвет – фиолетовый с серебром.

Когда горничная протягивает руку к моим сережкам, собираясь отнять у меня последнее напоминание о прежней жизни, я вздрагиваю от ужаса.

– Не трогай!

Девушка отскакивает, испуганно моргая. Остальные замирают.

– Прости, я...

Нет. Серебряная не стала бы извиняться. Я откашливаюсь и собираюсь с духом.

– Не трогай серьги.

Мой голос звучит мощно и властно – по-королевски.

– Можешь снять всё остальное, но серьги оставь.

Три дешевых стекляшки, по одной на память о каждом из братьев. Они никогда меня не покинут.

– Этот цвет тебе идет.

Я разворачиваюсь и вижу служанок, склоненных в одинаковых поклонах. А над ними возвышается Кэл. Хорошо, что макияж скрывает румянец, разлившийся на моем лице.

Принц делает быстрый жест, и горничные спешат покинуть комнату, как мыши, убегающие от кота.

– Я, типа, еще не до конца привыкла к вашим королевским церемониям, но, кажется, вам не стоит находиться тут. В моей комнате, – говорю я, стараясь придать голосу как можно больше надменности. В конце концов, именно по вине Кэла я впуталась в эту кошмарную историю.

Он делает несколько шагов ко мне. Я инстинктивно пячусь и наступаю на подол собственного платья. Теперь я либо застыну неподвижно, либо упаду. Не знаю, что предпочтительней.

– Я пришел извиниться. Сделать это на публике было нельзя... – Он замолкает, заметив мое смущение.

На щеке у него дергается мускул, когда Кэл окидывает меня взглядом. Возможно, он вспоминает отчаявшуюся девочку, которая пыталась залезть к нему в карман не далее чем минувшей ночью. Леди Титанос совершенно на нее не похожа.

– Прости, что втянул тебя в это, Мэра.

– Мэриэна.

У этого имени даже вкус какой-то неправильный.

– Меня так зовут, помните?

– Мэра – вполне уместное сокращение.

– Сомневаюсь, что во мне есть хоть что-то уместное.

Кэл изучает меня, и моя кожа горит под его взглядом.

– Как тебе нравится Лукас? – наконец спрашивает он, любезно отступив на шаг.

Это охранник из Дома Самоса, первый приличный Серебряный, которого я встретила здесь.

– Да ничего себе.

Вдруг королева сместит его, если узнает, что он был добр ко мне?

– Он хороший человек. Родные считают Лукаса слабым, потому что он недостаточно строг, – добавляет Кэл, и его глаза слегка темнеют. Как будто ему известно это ощущение. – Но он будет служить тебе усердно и верно. Я об этом позабочусь.

Как мило. Он приставляет ко мне доброго тюремщика. Но я прикусываю язык. Что толку огрызаться в ответ на великодушные принца?

– Спасибо, ваше высочество.

В его глазах вспыхивает прежнее пламя, а на губах появляется улыбка.

– Ты знаешь, как меня зовут.

– А вы знаете мое имя, не так ли? – с горечью спрашиваю я. – И откуда я взялась.

Он чуть заметно кивает, словно устыдившись.

– Вам придется позаботиться о них.

О моей семье. Лица родных возникают у меня перед глазами. Они уже так далеки...

– Обо всех моих родственниках. Не оставляйте их, пока сможете.

– Ну конечно. – Он подходит на шаг, сокращая расстояние между нами, и повторяет: – Прости.

Это слово эхом отзывается в моей голове, пробуждая воспоминание.

Стена огня. Удушливый дым. «Прости, прости, прости».

Кэл поймал меня. Помешал мне сбежать из этого ужасного места.

– Вы извиняетесь за то, что лишили меня единственного шанса спастись?

– То есть миновать Стражей и охрану, выбраться из замка, пройти через лес, вернуться в деревню и сделать так, чтобы королева не выследила тебя лично? – уточняет Кэл, отмечая мои обвинения. – Помешать тебе было лучшим, что я мог сделать для тебя и твоей семьи.

– Я бы удрала подальше. Вы меня не знаете.

– Я знаю, что королева разорвала бы мир на части, разыскивая девочку-молнию.

– Не надо. – Это прозвище причиняет мне больше боли, чем вымышленное имя, к которому я еще не привыкла. «Девочка-молния». – Так меня зовет ваша мать.

Он горько смеется.

– Элара мне не мать. Она мать Мэйвена.

Взглянув на его сжатые губы, я решаю не настаивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.